

Н. Жекулин

ТУРГЕНЕВ — ПЕРЕВОДЧИК: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

O Gott! o Gott! — warum will man mich übersetzen!
Hab' ich ja den Leuten nichts gethan!¹

...я совершенно не гожусь в переводчики <...>²

Je ne parle pas des contre-sens, des erreurs, dont elle
fourmille, une traduction du Russe ne saurait s'en
passer³

Décidément, être traduit — est une bien vilaine chose.⁴

Еще в 1948 году М. П. Алексеев ввел крылатое выражение «Тургенев — пропагандист русской литературы на Западе».⁵ Не последнюю роль в этом определении играла переводческая деятельность Тургенева. Играть такую роль ему позволило то особое место, которое он занимал среди европейской читающей публики как самый известный русский писатель, но сама его известность была в немалой степени результатом его переводческой деятельности. Однако Тургенев переводил не только с русского языка, но и на русский. И в переводах на русский язык он также играл роль пропагандиста, хотя и в другом смысле.

¹ О боже! боже! — Зачем меня хотят переводить! Ведь я людям ничего дурного не сделал! (нем.) (ПССиП(2). Письма. Т. 9. С. 124).

² Там же. Т. 1. С. 133.

³ Не говорю уже о бессмыслицах и ошибках, которыми он изобилует, перевод с русского без них не обходится (франц.) (Там же. Т. 2. С. 293). Вторая часть фразы отсутствует в переводе, который напечатан в ПССиП(2). Письма. Т. 2. С. 415 на основе публикации, скорее всего в переводе самого Тургенева, в «Санкт-Петербургских ведомостях».

⁴ Решительно, быть переводимым — прескверная штука (франц.) (ПССиП(2). Письма. Т. 3. С. 85, 366).

⁵ Алексеев М. П. Тургенев — пропагандист русской литературы на Западе // Алексеев М. П. Русская литература и ее мировое значение. Л., 1989. С. 268—307. Статья первоначально вышла в 1948 г. Далее: Алексеев.

Если принять во внимание место, которое в его деятельности занимают переводы (а Тургенев занимался ими на протяжении всей своей писательской деятельности⁶), нельзя не удивиться тому, что тема «Тургенев-переводчик» до сих пор не возбудила у тургеноведов внимания, которого она заслуживает.⁷

Правда, большинство сохранившихся переводов на русский язык, сделанных Тургеневым (но не все), теперь включено во второе из двух академических «полных» изданий его произведений, однако гораздо более многочисленные переводы, выполненные Тургеневым с русского на другие языки, за редкими исключениями, никогда не переиздавались. Так как полный список его переводов никогда не составлялся, даже среди специалистов нет ясного представления об их ошеломляющем объеме. Безусловно, составление такого списка сопряжено со значительными трудностями. Большинство переводов (за исключением его переводов на русский язык) писатель предпринимал совместно с другими переводчиками — эти переводы следует считать коллективными.

Не только точный вклад Тургенева часто нельзя определить, но в некоторых случаях затруднительно вообще установить сам факт его участия. Даже когда он принимал самое активное участие в переводах на французский язык, до тех пор пока не стал известен во Франции как писатель, его имя не всегда упоминалось на титульных листах или в предисловиях. С другой стороны, был и такой случай, когда Тургенев в печати был назван переводчиком, а на самом деле перепоручил перевод другим.⁸ И наконец есть переводы, которые никогда не появлялись в печати и которые давно утрачены; к таким переводам относятся, например, все его переводы с испанского языка.

Так как обсуждение достоинств Тургенева-переводчика остается затруднительным из-за отсутствия доступных переводов, целью настоящей статьи является попытка определить, преимущественно на основе переписки Тургенева, как он сам представлял свою переводческую деятельность и какое разнообразное участие он в этой деятельности принимал.

⁶ Он, конечно, делал переводы еще в школьные и студенческие годы. Первые сохранившиеся его опыты относятся приблизительно к 1834 г., когда он поступил в Санкт-Петербургский университет. Эти переводы на немецкий язык из Тацита сделаны для Христовера Фридриха Вальтера, у которого Тургенев брал частные уроки латинского языка. Они не изданы (*РО ИРЛИ*. Ф. 93. Оп. 3. № 1252. Л. 3—3 об).

⁷ Существует ряд исследований, посвященных конкретным переводам, в которых Тургенев участвовал, и конкретным переводчикам, с которыми он сотрудничал, но всесторонние исследования на тему «Тургенев-переводчик», на что сетовал еще М. П. Алексеев (*Алексеев*. С. 273), по-прежнему отсутствуют. Среди редких исключений следует упомянуть недавнюю кандидатскую диссертацию А. С. Климентьевой (*Климентьева А. С. И. С. Тургенев — переводчик*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Томск, 2007).

⁸ Речь идет об издании «Волшебных сказок» Шарля Перро, вышедшем в 1866 г.

Русская литература имеет долгую, богатую и разнообразную историю переводов. Каждая эпоха, однако, обязательно оспаривает достижения предыдущей и снова обращается к практическим и теоретическим вопросам, связанным с переводом. Поколение людей 1840-х годов, к которому принадлежит имя Тургенева, не являлось исключением и тоже обсуждало цели, которые должны перед собой ставить переводчики, и каким образом эти цели могут быть достигнуты.⁹ Тургенев принимал участие в этом обсуждении, но свои теоретические рассуждения он излагал не в отдельных статьях, а в рецензиях на конкретные переводы.

Так, в 1843 году, когда у него уже был немалый собственный опыт, он высказался по этому поводу в рецензии на перевод пьесы Шиллера «Вильгельм Телль», сделанный Ф. Б. Миллером, следующим образом: «Переводы можно вообще разделить на два разряда: на переводы, поставившие себе целью, как говорится, познакомить читателя с отличным или хорошим произведением иностранной литературы, и на переводы, в которых художник старается воссоздать великое произведение и, смотря по степени собственного творческого таланта, способности проникаться чужими мыслями и чувствами, более или менее приближается к разрешению своей трудной задачи. Дух (личность) переводчика веет в самом верном переводе, и этот дух должен быть достоин сочетаться с духом им воссозданного поэта. От того-то хорошие переводы у нас (да и везде) чрезвычайно редки».¹⁰

Обширнее всего Тургенев изложил свое представление о переводе в 1844 году в рецензии на перевод «Фауста» Гёте, выполненный М. П. Вронченко. Здесь его особенно интересуют качества, в которых нуждается хороший переводчик: «Их (истинно хороших переводчиков. — Н. Ж.) нельзя назвать самостоятельными талантами, но они одарены глубоким и верным пониманием красоты, уже выраженной другим, способностью поэтически воспроизводить впечатления, производимые на них любимым их поэтом; элемент восприимчивости преобладает в них, и собственный их творческий дар отзывается страдательностью, необходимостью опоры. <...> всякий хороший перевод проникнут любовью переводчика к своему образцу, понятной, разум-

⁹ По утверждению Ю. Д. Левина, в этом (как и во многих других видах деятельности Тургенева) важную роль играл В. Г. Белинский. О развитии взглядов Белинского на перевод см.: *Левин Ю. Д. В. Г. Белинский — теоретик перевода // Левин Ю. Д. Русские переводчики XIX века и развитие художественного перевода. Л., 1985. С. 97—104.* Краткий исторический обзор изменяющихся взглядов на принципы перевода дан в книге: *Friedberg Maurice. Literary translation in Russia: a cultural history. University Park, PA, 1997. P. 9—67.* См. также: *Эткинд Е. Г. Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина. Л., 1973;* *История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век / Отв. ред. Ю. Д. Левин. СПб., 1995. Т. 1. Проза; СПб., 1996. Т. 2. Драматургия. Поэзия и др.*

¹⁰ *ПССУП(2). Соч. Т. 1. С. 190.*

ной любовью, то есть читатель чувствует, что между этими двумя натурами существует действительная, непосредственная связь...».¹¹

Недостаточно просто хотеть стать посредником, недостаточно просто восхищаться художником или его произведением. Чтобы хорошо переводить, нужно духовное родство, которое основано как на душевной, так и на эстетической близости к тому, что переводится: «Доселе г. Вронченко переводил сочинения совершенно в другом духе, нежели „Фауст“; <...> по роду и направлению своего таланта мог ли г. Вронченко с полным успехом воспроизвести на русском языке туманное создание Гёте?».¹²

Таким образом, Тургенев признает, что Вронченко передал текст довольно точно и что он переводил даже «сон аттоге», но этого все еще недостаточно: «...вся роль самого Фауста переведена вообще довольно неудачно, хотя верно»; «... всё, что мог только сделать добросовестный и трудолюбивый переводчик, не поэт, исполнено г. Вронченко... но это всё не удовлетворяет читателя».¹³

Не удовлетворяет, потому что читатель постоянно отдает себе отчет в том, что это перевод. «Чем более перевод нам кажется не переводом, а непосредственным, самобытным произведением, тем он превосходнее; читатель не должен чувствовать ни малейшего следа той ассимиляции, того процесса, которому подвергся подлинник в душе переводчика; хороший перевод есть полное превращение, метаморфоза. <...> Люди, не знающие вовсе подлинника, но одаренные ухом и вкусом, лучшие судьи в этом деле <...>».¹⁴

Рассуждения Тургенева в 1843—1844 годах касались переводов исключительно на русский язык. Однако его первый, пока еще скромный вклад в переводческую деятельность (при помощи Луи Виардо), в целях ознакомления французской читающей публики с великими произведениями русской литературы тоже относится именно к этому времени. И если никто не сомневался в том, что переводы на русский язык являлись важными и нужными для «молодой» русской литературы, то с переводами на французский язык дело обстояло иначе, поскольку европейская читающая публика была уверена в превосходстве прочно укоренившихся западных культур над «чуждыми» культурами. Переводческая практика Тургенева показывает, насколько хорошо он понимал и принимал во внимание эту разницу в отношении к переводам в России и в Западной Европе, в частности во Франции.

¹¹ Там же. С. 227—228.

¹² Там же. С. 195—196.

¹³ Там же. С. 228, 234.

¹⁴ Там же. С. 228—229.

Несмотря на участие, которое Тургенев своими рецензиями принимал в современных ему дискуссиях о переводах, сами его переводы на русский язык следует считать «частной» деятельностью. Целью, как правило, не являлось их издание. Еще будучи студентом Санкт-Петербургского университета, в 1837 году он послал свои «первые, слабые опыты на поприще русской поэзии» своему профессору А. В. Никитенко и в письме признавался: «Прошлый год был посвящен переводу — Шекспирова „Отелло“ (который я не кончил — только до половины 2-го акта), „Короля Лира“ (с большими пропусками) и „Манфреда“. Первые два перевода мною истреблены — мне они казались слишком дурны после переводов Вронченки, Панаева... Притом это было ложное направление — я совершенно не гожусь в переводчики».¹⁵

Правда, в 1844 году его перевод последней сцены первой части «Фауста» Гёте появился в «Отечественных записках», а два года спустя еще два перевода в «Петербургском сборнике» — перевод стихотворения Байрона «Darkness» («Тьма») и перевод двенадцатой элегии из цикла Гёте «Römische Elegien» («Римские элегии»). Но, по всей вероятности, и они первоначально не были предназначены к печати, и вышли только потому, что Тургенев хотел помочь редактору Н. А. Некрасову заполнить свое издание.¹⁶ Эти короткие переводы напоминают те, что приводились в письмах Тургенева или дарились друзьям и знакомым. Так, в письме от 10 сентября н. ст. 1840 года к М. А. Бакунину и А. П. Ефремову приводится перевод «Clärchen's Lied» («Песня Клерхен») из пьесы Гёте «Эгмонт»;¹⁷ случайно сохранился перевод песни Фортуню из пьесы Альфреда де Мюссе «Le Chandelier» («Подсвечник»), подаренный В. Н. Колонтаевой.¹⁸ Это переводы «по случаю».

Судя по всему, Тургенев много переводил «для себя»; известные нам переводы этого времени следует считать только небольшой, случайно сохранившейся частью всего того, что он перевел. Выбор произведений и их фрагментарность не согласуются с предположением, будто главной целью являлось желание «познакомить читателя с отличным или хорошим произведением иностранной литературы». Эти переводы объединяет то, что в данный момент Тургенев особо увлекался самим произведением или автором произведения.¹⁹ Гёте напи-

¹⁵ ПССУП(2). Письма. Т. 1. С. 133.

¹⁶ См.: Там же. Соч. Т. 1. С. 22—29, 53—55, 56—57. В альманахе появилась также поэма Тургенева «Помещик». Судя по письму Н. А. Некрасова к А. В. Никитенко от 3 января 1846 г., оба перевода добавлены к содержанию сборника на позднем этапе (Некрасов. Т. 14. Кн. 1. С. 57, 259).

¹⁷ См.: ПССУП(2). Письма. Т. 1. С. 166—167; Соч. Т. 1. С. 313.

¹⁸ См.: Там же. Соч. Т. 1. С. 323, 541.

¹⁹ Интерес Тургенева к Байрону ограничивался этим периодом, интерес к Шекспиру и Гёте продолжался на протяжении всей его жизни.

сал «Римские элегии» под впечатлением своей знаменитой поездки в Италию (1786—1788). Тургенев их читал в ожидании собственной поездки туда же в 1840 году. Он тогда писал Т. Н. Грановскому: «Какая жизнь, какая страсть, какое здоровье дышит в них! <...> Эти элегии огнем пролились в мою кровь — как я жажду любви!».²⁰

Можно предположить, что для Тургенева было важным попробовать себя в переводе на русский язык произведения (или его части), которое чем-то в конкретный момент его особо заинтересовало. В начале 1870-х годов его привела в восторг поэзия «удивительного» американского поэта Уолта Уитмена: «Ничего более поразительного себе представить нельзя».²¹ Он начал его переводить опять без очевидного намерения напечатать свои переводы. Только когда П. В. Анненков уговорил его не продолжать «Записки охотника» и у Тургенева не было чем заменить обещанный Е. И. Рагозину очерк, у него возникла идея выслать редактору перевод из Уитмена. Этому намерению воспрепятствовала, как часто бывало, болезнь Тургенева. До наших дней случайно дошел лишь отрывок черновика с переводом стихотворения «Beat! beat! drums!» («Бейте, бейте, барабаны») из части «Drum Taps» («Барабанный бой»), который Уитмен включил в четвертое издание своего сборника «Leaves of Grass» («Листья травы»).²²

Исключением из правила, согласно которому Тургенев обращался к произведениям, его особо занимавшим, может показаться перевод на русский язык «Contes des fées» («Волшебные сказки») Шарля Перро. В 1862 году издатель Жюль Этцель предложил Тургеневу перевести этот сборник, который он намерен был издать в России со знаменитыми иллюстрациями Гюстава Доре. Тургенев сначала принял предложение с готовностью: «Спешу сообщить вам, что с большим удовольствием принимаю ваше предложение: переводить Перро — это подлинно счастливый случай <...>».²³

Однако дальнейшая история этого перевода скорее служит подтверждением основного правила. В данном случае у Тургенева не было непосредственного интереса к произведению, и увлеченность проектом быстро угасла.²⁴ Он привлек к делу двух молодых своих соотечественников — Н. В. Щербаня и Н. Н. Рашет. Сам он перевел всего две сказки и чрезмерно долго заставил ждать обещанного предисловия, но так как он не сообщил Этцелю об этой подмене, в сборнике переводчиком был

²⁰ ПССУП(2). Письма. Т. 1. С. 144.

²¹ Там же. Т. 12. С. 50.

²² Там же. Соч. Т. 12. С. 294—295. См.: Там же. Письма. Т. 12. С. 64 и Чистова И. Тургенев и Уитмен // *РЛ*. 1966. № 2. С. 196—199.

²³ ПССУП(2). Письма. Т. 5. С. 86; 332. Ср. в оригинале: «Je m'empresse de vous répondre que j'accepte avec beaucoup de plaisir votre proposition: traduire Perrault est une véritable bonne fortune <...>».

²⁴ По утверждению Н. В. Щербаня (который перевел большинство сказок), первоначальный интерес Тургенева объясняется вызовом самому себе — адекватно передать стиль Перро на русском языке (*Щербань Н.* Тридцать два письма И. С. Тургенева и воспоминания о нем (1861—1875) // *РВ*. 1890. Т. 209 (август). С. 20).

назван только он.²⁵ «В том-то и дело, что я дал только имя свое выставить на обертке — а в прочем ни телом ни душой не виноват, — т. е. в сущности виноват — зачем дал имя — и теперь должен терпеть укору», — жаловался Тургенев И. П. Борисову в ответ на замечания А. А. Фета о погрешностях этого перевода.²⁶

Помимо непосредственного интереса к произведению, другие личные соображения также могли послужить толчком к тому, чтобы Тургенев взялся за перевод. Интересными с этой точки зрения являются его переводы с испанского языка. Испанский язык являлся общим языком, *lingua franca*, в семье Полины Виардо. Тургенев стал его изучать в 1847 году, упражнялся в устной речи с матерью П. Виардо Хоакиной и с другими членами ее семьи. Важным элементом его «поучения» являлось чтение классиков испанской литературы.²⁷ В статье «Гамлет и Дон-Кихот» Тургенев жаловался, что на русском языке не было хорошего перевода шедевра Сервантеса.²⁸ Три раза, и каждый раз после разочарования якобы в связи с творческой неудачей, он объявлял, что намерен сам предпринять такой перевод. После отрицательной оценки первого своего романа «Два поколения» со стороны друзей он написал Анненкову: «...а эту зиму — если я не буду его (роман. — Н. Ж.) продолжать, примусь за перевод „Д<он>-Кихота”, к которому я давно готовлюсь беспрестанным перечитыванием этого бессмертного романа — Сервантес стал для меня тем, чем, вероятно, для Вас Пушкин».²⁹

Четыре года спустя, в 1857 году, он написал другому наперснику — В. П. Боткину: «Третьего дня я не сжег (потому что боялся впасть в подражание Гоголю), но изорвал и бросил в watercloset все мои начинания, планы и т. д. Всё это вздор. <...> Так как я порядочно владею российским языком — то я намерен заняться переводом „Д<он>-Кихота”, — если буду здоров».³⁰

²⁵ Несомненно, в 1862 г. в задержке сыграли роль заботы Тургенева о предстоящей свадьбе его дочери. Однако издание Вольфа появилось лишь в 1866 г. (оно недавно переиздано: М., 1993). Сам Тургенев перевел сказки «Волшебница» и «Синяя борода» (см.: ПССуП(2). Соч. Т. 10. С. 586).

²⁶ ПССуП(2). Письма. Т. 7. С. 140.

²⁷ См., напр., его письмо к П. Виардо от 25 декабря н. ст. 1847 г., в котором он комментирует читаемые им пьесы Кальдерона (Там же. Т. 1. С. 246). Экземпляр тома пьес Кальдерона «Teatro escogido», вышедшего в Париже в 1838 г., в котором фигурирует надпись («Тургенев. Париж 1847»), хранится в Мемориальной библиотеке писателя в Орле. В указателе названия некоторых пьес подчеркнуты, а на полях тома встречается ряд замечаний (преимущественно перевод отдельных слов).

²⁸ ПССуП(2). Соч. Т. 5. С. 330. Первым переводом «Дон-Кихота» непосредственно с испанского оригинала является так и не законченный перевод К. Масальского, вышедший в 1838 г. Все предыдущие, начиная с первого (1769) и включая перевод В. А. Жуковского (1804), были сделаны с французских переводов. См.: *Turkevich Ludmilla Buketoff. Spanish Literature in Russia and in the Soviet Union 1735—1964. Metuchen, NJ, 1967. P. 35—37.*

²⁹ ПССуП(2). Письма. Т. 2. С. 243.

³⁰ Там же. Т. 3. С. 195—196.

И наконец в 1877 году, после первых отрицательных отзывов о последнем романе «Новь», он сообщил Я. П. Полонскому, что намерен бросить литературу, но «чтобы не отстать от привычки к перу — я, вероятно, займусь переводами. Думаю о „Дон-Кихоте“ <...>».³¹

По всей видимости, Тургенев так и не завершил перевод этого романа, а может быть, даже никогда его всерьез не начинал. Его внимание привлекали и другие испанские произведения. В начале 1866 года Тургенев оказался в долгу одновременно перед двумя редакторами — у него не было ничего подходящего из собственных произведений и он предложил рассчитаться с ними переводами. С. С. Дудышкину он предложил перевод повести «*Rinconete y Cortadillo*» («Ринконет и Кортадильо») Сервантеса, а М. Н. Каткову — перевод раннего анонимного плутовского романа «*Lazarillo de Tormes*» («Ласарильо с Тормеса»).³² Об этих переводах Тургенев писал как о будто бы готовых или почти готовых, но несмотря на заявленный интерес со стороны обоих редакторов, эти переводы никогда не появлялись в печати и не известны даже в рукописи. Хотя Каткову было сообщено, что перевод, предназначенный для его журнала, нуждается только в переписывании, несколько месяцев спустя Тургенев извинялся, что еще не кончил его переписывать, поскольку снова взялся за свой новый роман «Дым». Скорее всего переводы не были на столь продвинутом этапе работы, как Тургенев давал понять. Но если поверить Тургеневу на слово, что он эти переводы хотя бы начал, то и на этот раз переводы изначально предпринимались для себя.³³

Безусловно, важнейшим стимулом к тому, чтобы взяться за тот или иной перевод, служили личные дружеские отношения Тургенева с автором переводимого произведения. В таких случаях намерение издать перевод могло быть даже основной целью. В конце 1850-х годов он перевел несколько рассказов и роман «Институтка» М. А. Маркович с явной целью издать их в русских журналах и таким образом укрепить ее репутацию среди русских читателей — то есть именно тогда, когда он теснее всего дружил с украинской писательницей.³⁴

Еще большую роль играли его близкие дружеские отношения с Полиной Виардо. Он не только перевел ряд немецких текстов для сборников ее романсов, которые издавал в Петербурге А. Ф. Иогансен, но и внимательно редактировал немецкие переводы русских текстов, которые делал Фридрих Боденштедт.³⁵ Для П. Виардо он даже был готов

³¹ ПССиП(1). Письма. Т. 12. Кн. 1. С. 101.

³² ПССиП(2). Письма. Т. 7. С. 17, 21.

³³ Там же. С. 32, 51. По утверждению А. Звигильского (хотя он не приводит источника для такого утверждения), перевод повести «Ринконет и Кортадильо» на самом деле сделал Н. В. Щербань. См.: *Zviguilsky A. Tourguénev et l'Espagne // Revue de littérature comparée*. Т. 33 (1959). N 1. P. 79.

³⁴ *Вовчок Марко*. Украинские народные рассказы. СПб. 1859. Роман «Институтка» появился в первом номере за 1860 г. журнала «Отечественные записки». Эти переводы, по-видимому, никогда не переиздавались.

³⁵ ПССиП(2). Соч. Т. 12. С. 298—304 и 643—651. Немало вопросов, связанных с этими переводами, остается, однако, без окончательного решения, и даже в этом издании от-

предпринять переводы с немецкого языка на французский и с французского на немецкий. Правда, подобного рода сотрудничество он оставлял в тайне, так как считал подобные переводы за пределами своих способностей.³⁶

Самыми известными русскими переводами Тургенева, без сомнения, являются его переводы из Гюстава Флобера. Они отражают как интерес Тургенева к самому произведению, так и его личную дружбу с автором. В 1874 году Тургенев проводил активную международную кампанию в пользу пьесы Флобера «La tentation de saint Antoine» («Искушение св. Антония»).³⁷ В частности, он обратился к М. М. Стасюлевичу с просьбой приобрести это произведение для «Вестника Европы». В письме к Стасюлевичу он настаивал: «Пожалуйста, чтобы переводчик был — первый сорт. Слог Флобера как из мрамора вырезан — не ударим же мы, россияне, лицом в грязь!».³⁸

Убедившись в том, что пьесе не пропустит русская цензура, Стасюлевич вынужден был отказаться от предложения Тургенева.³⁹ А через два года Тургенев решил принять еще более активное участие в распространении новой повести Флобера «La légende de saint Julien l'Hospitalier» («Легенда о св. Юлиане Милостивом»). В марте 1876 года он сообщил Стасюлевичу, что намерен сам перевести это произведение с рукописи Флобера, до его появления во Франции, и предлагал издать

существуют некоторые переводы, вышедшие без атрибуции, хотя следует признать, что и они принадлежат Тургеневу. Вопрос о том, почему отдельные переводы («На заре», «Разлука», «Разгадка») приписываются в альбомах Иогансена непосредственно Тургеневу, между тем как другие переводы названы просто переводами, пока остается открытым. При этом оригинал текста романа «Разгадка» часто продолжают приписывать Мёрике, хотя его автором является Рихард Поль (см.: *Жекулин Николай Г.* Тургенев и Рихард Поль // *Ivan S. Turgenev. Leben, Werk und Wirkung. Beiträge der Internationalen Fachkonferenz Bamberg 1993 / Hrsg. Peter Thiergen.* München, 1995. S. 243—271. Vorträge und Abhandlungen zur Slavistik. Bd 27).

³⁶ Хотя перевод оперетты «Последний колдун» с французского оригинала на немецкий язык для представлений в Веймаре выполнил Рихард Поль, Тургенев перевел некоторые арии (см., напр., письмо П. Виардо к Тургеневу от 18 февраля 1869 г.: *Lettres inéd.* P. 326—327). Кроме того, сохранился (во французской Национальной библиотеке и в Houghton Library Гарвардского университета) несколько черновиков, в которых Тургенев старался «исправить» перевод Поля. А в 1873 г. в Париже под редакцией П. Виардо вышел альбом избранных романсов Фр. Шуберта с французскими текстами (*Cinquante mélodies de Franz Schubert.* Paris: Gérard). Переводчиком назван друг Виардо и Тургенева — Луи Поме (Pomey), однако из письма Тургенева к Поме от 27 сентября 1865 г. (*ПССиП(2). Письма.* Т. 6. С. 158) можно предположить, что перевод был сделан Тургеневым и П. Виардо и лишь отредактирован Поме (см. также: *Zviguilsky Alexandre.* *Lettres inédites de Tourguéniev à Louis Pomey // Cahiers.* N 7 (1983). P. 159). Не исключено, что Тургенев принимал участие и в других переводах для французских изданий П. Виардо.

³⁷ См. письма к П. Гейзе и другим немецким и австрийским литераторам (*ПССиП(2). Письма.* Т. 13. С. 42—45, 47), а также к Рольстону в Англии (Там же. С. 46).

³⁸ *ПССиП(2). Письма.* Т. 13. С. 12.

³⁹ См.: Там же. С. 22, 365.

перевод в «Вестнике Европы».⁴⁰ Год спустя, когда он завершал этот перевод, Флобер прочитал ему только что дописанную повесть «Hérodias» («Иродиада»), третью и последнюю из серии «Trois contes», и Тургенев сразу же решил перевести и эту повесть.⁴¹ В решении Тургенева несомненно сыграло роль его желание помочь Флоберу материально (он отказался от гонорара переводчика в пользу автора⁴²). Тем не менее эти произведения произвели на Тургенева огромное впечатление художественностью своего исполнения; «Иродиаду» он назвал «ослепительной по краскам».⁴³

В его высказываниях об этих повестях звучит также и оттенок вызова — вызова самому себе как художнику и вызова русскому языку. Я. П. Полонскому он признавался: «Я постарался, сколько мог, передать краски и тон подлинника»,⁴⁴ а Стасюлевичу писал: «...я старался изо всех сил — и, полагаю, как стилист не ударил лицом в грязь».⁴⁵ В его письмах — и, полагают, как стилист редкое для Тургенева чувство гордости. Перевод «Иродиады» «...представил такие трудности, что — без хвастовства скажу — не знаю, кто бы лучше меня это сделал <...>».⁴⁶ Не менее редкая нота удовлетворения звучит даже после появления перевода в печати. Когда он получил печатный текст «Католической легенды о св. Юлиане Милостивом» (так называлась повесть в журнальной редакции), он не мог отказаться от дополнительных тонких улучшений: «В другом месте (но уж это моя вина) — стр. 616, строка 7-ая снизу — надо будет поставить вместо „украшенных“ „разубранных“, потому что в предыдущей строке стоит слово „украшения“. А я так

⁴⁰ См. ПССиП(1). Письма. Т. 11. С. 229. Из переписки Тургенева с Флобером и Стасюлевичем ясно, что работа над «Новью» задержала работу над переводом, а также затрудняла вопрос о том, когда должен был появиться перевод в «Вестнике Европы». В связи с этим Тургенев первоначально решил поручить перевод второй повести «Un cœur simple» («Простое сердце») некоей «demoiselle de lettres russe» и даже думал поручить ей еще не дописанную Флобером «Иродиаду» (Там же. Т. 12. Кн. 1. С. 28). Однако впоследствии он решил, что «Простое сердце» не подлежит переводу по цензурным соображениям (кроме того, он считал ее самой слабой из трех повестей) (Там же. С. 100).

⁴¹ Там же. С. 83—84.

⁴² См.: Там же. С. 106. Флобер находился в затруднительном материальном положении в связи с банкротством мужа своей любимой племянницы Каролины де Комманвиль.

⁴³ ПССиП(1). Письма. Т. 12. Кн. 1. С. 131.

⁴⁴ Там же. С. 101.

⁴⁵ Там же. С. 106.

⁴⁶ Там же. С. 128. Черновики переводов, которые хранятся во французской Национальной библиотеке, свидетельствуют о тщательности его работы. На основе анализа рукописи перевода «Иродиады» П. Р. Заборов утверждает: «В свой перевод он вложил замечательное ощущение воскресенной Флобером эпохи, тончайшее чутье и мастерство стилиста, совершенное знание французского и редкостное владение родным языком, а также глубокое понимание потребностей читателя, которому предназначался — в его интерпретации — флоберовский шедевр» (Заборов П. Р. Из творческой лаборатории Тургенева-переводчика // Тургенев и его современники / Под ред. М. П. Алексеева. Л., 1977. С. 135).

старательно отчеканил эту вещь, что не желаю оставить ни одного пятнышка. Могу прибавить, что изо всей моей литературной карьеры я ни на что не гляжу с большей гордостью — как на этот перевод. Это был *tour de force* — заставить русский язык схватиться с французским — и не остаться побежденным. Что бы ни сказали читатели — я сам собой доволен и глажу себя по головке».⁴⁷

3

Несмотря на важное место, которое занимают переводы из Флобера в творчестве Тургенева (это были единственные переводы, которые он включал в собрание своих сочинений, начиная с салаевского издания 1880 года), переводы на русский язык по своему объему представляют собою лишь незначительную часть всех его переводов. Переводы Тургенева с русского языка являются непосредственной частью его деятельности как «пропагандиста русской литературы». Среди них самое важное место занимают его переводы на французский язык. Хотя он предпринимал переводы произведений главных своих предшественников в русской литературе — Пушкина, Гоголя и Лермонтова, преобладающая часть тех переводов, в которых он принимал участие, состоит из переводов его собственных произведений. Так как роль Тургенева в переводах могла сильно разниться, его переводы с русского языка представляют собой очень сложную картину, тем более что они являются, почти без исключения, «коллективными» — в том смысле, что даже тогда, когда Тургенев был инициатором и играл ведущую роль, он привлекал к делу сотрудников.

М. П. Алексеев полагал, что своими переводами с русского языка Тургенев фактически создал «переводческую школу» (в первую очередь, во Франции, а также и в Англии), отличительной чертой которой являлась «буквальная близость к подлиннику», которая «для него важнее стилистических совершенств перевода, сохранение „духа“ оригинала существовавшее, чем приверженность к привычным нормам языка, на который делается перевод».⁴⁸

Косвенным свидетельством этого тезиса Алексеев считал следующее утверждение Ж. Санд, принявшей сторону Шарля Роллина в его конфликте с Тургеневым по поводу сделанного Роллина перевода «Двух гусаров» Л. Н. Толстого: «...si ce n'est pas fidèlement (*sic!* — *H. Ж.*) traduit, ce que je ne peux pas savoir, c'est dix fois plus agréable à lire

⁴⁷ ПССиП(1). Письма. Т. 12. Кн. 1. С. 131. А когда рукопись «Иродиады» все еще была в пути, он послал вдогонку письмо к Стасюлевичу, в котором просил сделать еще одно изменение (Там же. С. 132).

⁴⁸ «...Тургенев создал школу переводчиков с русского языка во французской литературе, привил здесь свои навыки и воззрения на художественный перевод <...>. Но эту же тургеневскую школу прошли также переводчики и в других странах, например в Англии» (Алексеев. С. 290). См. также: Там же. С. 292—293.

comme français que la forme donnée par les traducteurs aux ouvrages de Tourguénef, qu'il faut souvent deviner au lieu de comprendre du premier coup. <...> Ses ouvrages ont l'air d'être traduits par un Russe. Le génie d'une langue ne se traduit dans une autre langue que par *des équivalents* et quand on s'attache à l'exactitude, on ne *rend pas*». ⁴⁹

Однако многие исследователи, которые сравнивали переводы, сделанные или проверенные самим Тургеневым, находят, что они изобилуют отклонениями от оригинала, ошибками и пропусками — до такой степени, что приходится сомневаться в частых утверждениях, будто переводы тщательно сличались с оригиналами. ⁵⁰ М. П. Алексеев даже допускает, что Тургенев настолько тонко понимал читающую публику ряда европейских стран, что часто соглашался, чтобы в перевод вводились изменения, которые бы соответствовали местным вкусам, а некоторые произведения, даже из своих собственных, считал вообще не пригодными для перевода для данной публики. ⁵¹

На самом деле Тургенев активно и широко пропагандировал русскую литературу на Западе, и для него главной целью переводов из русской литературы всегда являлось ознакомление принимающей культуры с произведением, достойным ее внимания. Когда Вильям Рольстон обратился к нему в первый раз с идеей предпринять ряд переводов, Тургенев сразу выслал ему список русских писателей (в который он не

⁴⁹ «...если это не точно переведено, чего я знать не могу, то это в десять раз приятнее читать, чем ту форму, которую сочинениям Тургенева придают переводчики; часто их надо угадывать вместо того, чтобы понимать с первого раза. <...> Его вещи кажутся переведенными русским. Дух языка передается на другом языке *равнозначными словами*, а когда придерживаются точности, то именно не *передают* этого духа» (Цит. по: Алексеев. С. 292). Письмо к Эдмону Плошу (Plauchut) от 25 февраля 1875 г. (*Sand George. Correspondance. Ed. G. Lubin. Paris, 1990. Т. XXIV. P. 223. Далее: Sand. Corr.*). Санд рекомендовала Тургеневу Роллина, брата ее близкого друга, в качестве переводчика, который и послал Тургеневу пробный перевод рассказа «Бирюк», оцененный писателем как «très вопле» (*ПССуП(2). Письма. Т. 13. С. 52*). Тургенев также проверял несколько переводов Роллина из Л. Н. Толстого (см.: Там же. Т. 14. С. 34) и, по утверждению самого Роллина, считал один из них равноценным оригиналу (см.: *Sand. Corr. Т. XXIV P. 350*). Однако Тургенев не скрывал того, что перевод Роллина «Двух гусаров» Толстого, который вышел в 1875 г. с предисловием Тургенева (и который Тургенев, по всей вероятности, и отредактировал), его не удовлетворил. В результате Ж. Санд обвинила Тургенева в том, что редакторы больше не захотели принимать переводы Роллина. Подробнее о «деле Роллина» см.: *Waddington Patrick. Turgenev and George Sand: An improbable entente. Totowa, NJ, 1981. P. 87—89, 92—94.*

⁵⁰ «К сожалению, перевод этих „драматических поэм“ <...> является плоским и неточным, — считает М. Кадо. — <...> Значительные сокращения изменяют сам текст <...> Впечатление, которое на меня произвело краткое ознакомление с переводом „Тараса Бульбы“ Гоголя, подтвердилось при чтении „Драматических поэм“ Пушкина. Более того: Тургенев не был более внимательным, когда речь шла о его собственных произведениях» (*Cadot Michel. Le rôle d'I. S. Tourguénef et de Louis Viardot dans la diffusion de la littérature russe en France // Cahiers. N 5 (1981). P. 54—55*). См. также: *Žekulin Nicholas G. Two unpublished letters of Ivan Turgenev // Slavonic and East European Review. N 53 (Oct. 1975). P. 561.*

⁵¹ Алексеев. С. 271.

включил себя) и объяснил свой выбор следующим образом: «Sans parler de Gogol, je crois que les ouvrages du comte Léon Tolstoï, d'Ostrowski, de Pissemski, de Gontcharoff pourraient offrir de l'intérêt en présentant une nouvelle manière de comprendre et de rendre l'élément poétique; <...> reste à savoir si ce caractère est assez prononcé pour arrêter l'attention des autres nations».⁵²

А задача у переводчика была двойная, до некоторой степени противоречивая. По Тургеневу, переводчик должен был обеспечить «акклиматизацию» перевода в условиях новой культуры, но так, чтобы отличительные свойства — «дух» автора не исчезли. В рецензии на перевод Рольстоном басен Крылова (который, по словам Тургенева, «was as Russian as possible»), то есть «был русским настолько, насколько это возможно») Тургенев его хвалил: «Mr. Ralston's translation leaves nothing to desire in the matter of accuracy or colouring <...>. It will not be his fault if Krilof does not prove to be thoroughly „naturalised” in England».⁵³

Хороший переводчик должен отличаться чуткостью к языку, на котором готовится перевод, и одновременно глубоко понимать особые свойства переводимого автора и его произведения. Для этого он должен быть не менее художником, чем сам автор. Когда Боденштедт в первый раз послал ему свой перевод (повести «Фауст»), Тургенев перевод одобрил: «Il ne suffit pas de connaître à fond le russe — il faut encore être grand styliste soi-même, pour faire quelque chose d'aussi complètement réussi».⁵⁴

В тех сравнительно редких случаях, когда удается соединить эти качества, перевод заслуживает у Тургенева высшую похвалу, как, например, перевод Боденштедта сонетов Шекспира: «...voici trois jours que je me plonge dans ces flots de poésie qu'on avait oubliée de nos jours et que vous a été donné de révéler de nouveau. <...> Toute espèce d'impression de traduction disparaît complètement: vos vers coulent de source avec une

⁵² ПССиП(2). Письма. Т. 7. С. 68. «Не говоря уже о Гоголе, я полагаю, что произведения графа Льва Толстого, Островского, Писемского, Гончарова могут представить интерес, поскольку в них отразилось новое понимание поэтического начала и способов его выражения; <...> остается лишь выяснить, достаточно ли отчетливо выражен этот характер, чтобы привлечь внимание других наций» (Там же. С. 242).

⁵³ «Перевод г. Рольстона не оставляет желать ничего лучшего в смысле точности и колоритности <...> И не его вина, если Крылов пока еще не „натурализировался” в Англии» (ПССиП(2). Соч. Т. 10. С. 266, 267; 268, 268—269).

⁵⁴ «Недостаточно знать в совершенстве русский язык — надобно еще самому быть большим стилистом для того, чтобы создать нечто в столь высокой степени удачное» (ПССиП(2). Письма. Т. 5. С. 121, 337). В связи с этим интересно мнение Гартмана, которое приводит Х. Раппих, о переводах Боденштедта из Тургенева: «...die Uebertragung Bodenstedts ist, wenn man so sagen darf, zu gut, zu fließend: wir hätten gewünscht, dass es etwas mehr vom russischen Ton und Nationalcharakter hineingebracht hätte, selbst auf die Gefahr hin, deutscher Wendung und Ausdrucksweise einige Gewalt anzuthun» (Freÿa. Illustrierte Blätter für die gebildete Welt. Chronik der Freÿa. 1865. Heft 4. S. 124). «...Перевод Боденштедта слишком хорош, слишком гладок: нам хотелось бы, чтобы он ввел в него более ярко выраженную русскую интонацию и национальный характер, не считаясь при этом с опасностью некоторого нарушения правильности немецких оборотов и способа выражения» (Ранних Хорст. Тургенев и Боденштедт // ЛН. Т. 73. Кн. 2. С. 344).

facilité merveilleuse — et ce n'est que plus tard qu'on réfléchit avec étonnement au tour de force accompli».⁵⁵

Принципы перевода Боденштедт определял следующим образом: «...ich gewohnt bin, bis in die kleinsten Einzelheiten hinein zu ändern und zu feilen, solange mir Ton und Farbe des Originals noch nicht überall erreicht scheinen».⁵⁶

Тургенев, безусловно, повторил бы эти принципы. Для него самым серьезным недостатком перевода являлась «сухость» или «деревянность», то, что в переводе отсутствует «живость». Такой недостаток не мог возмещаться даже верностью оригиналу. Горькие жалобы на эту тему изобилуют в его переписке, не только когда дело касается переводов его собственных, но и чужих произведений. Перевод «Казачков» Л. Н. Толстого, который сделал Юджин Скайлер, «верен — но сух и „matter of fact“, как сам г-н Скайлер <...>».⁵⁷ Английский перевод «Евгения Онегина» ему кажется «верности невероятной, изумительной — и такой же изумительной дубинности».⁵⁸ Немецкий перевод своей повести «История лейтенанта Ергунова» он считает «hölzerner» («деревянным»); перед тем, как он может быть включен в издание Бере, его надо, по мнению Тургенева, послать Л. Пичу для стилистического редактирования. Он «getreu — aber um es offen herauszusagen — etwas schwerfällig und leblos — zu sehr in Geschäftsstyl».⁵⁹

⁵⁵ «...и вот уже три дня, как я погружен в волны поэзии, которая ныне забыта и которую вам дано было снова открыть. <...> Впечатление, что это перевод, совершенно исчезает: ваши стихи льются с изумительной легкостью, и лишь потом начинаешь думать с удивлением о трудностях, которые вы преодолели» (ПССуП(2). Письма. Т. 5. С. 19, 323).

⁵⁶ Письма Фридриха Боденштедта (1861—1866) / Публ. Анри Гранжара // ЛН. Т. 73. Кн. 2. С. 312. Далее ссылки на эту публикацию приводятся сокращенно: *Письма Боденштедта*. Письмо Боденштедта к Тургеневу от 3 ноября 1862 г. «...Я имею обыкновение до тех пор исправлять и шлифовать всё до мельчайших подробностей, пока не почувствую, что тон и колорит оригинала повсюду верно переданы» (Там же. С. 314). Очевидно, Боденштедт всегда ставил «колорит» на первое место. Еще в 1852 г. в предисловии к переводам из Лермонтова он объяснял: «Bekanntlich giebt es zwei anerkannte Uebersetzungsmethoden: die wortgetreue und die frei nachbildende. Auf die nicht umgehende Frage, welcher von diesen beiden Methoden gefolgt sei — muß ich ehrlich antworten: keiner von beiden! Vertrauend auf die hohe Ausbildung, den Reichtum und die Biegsamkeit der deutschen Sprache, steckte ich mir das Ziel, die ganze Farbenfrische des Originals wiederzugeben, ohne in den metrischen Vorbildern das Geringste zu ändern, ohne ein Bild oder einen Gedanken zu verwischen, und vor Allem: ohne das Maß des Schönen zu überschreiten» («Как известно, существует два признанных метода перевода: буквальный и вольный, подражательный. На неизбежный вопрос: какому из этих двух методов я следовал, — я должен честно ответить: ни одному! Полагаясь на высокую степень развития, богатство и гибкость немецкого языка, я поставил перед собой цель передать всю свежесть красок оригинала, не внося при этом ни малейших изменений в метрику, не сглаживая ни единого образа или мысли и прежде всего: не переступая границы прекрасного») (Bodenstedt Friedrich. Gesammelte Schriften. Berlin, 1866. Bd 6. S. 22.)

⁵⁷ ПССуП(1). Письма. Т. 12. Кн. 1. С. 383.

⁵⁸ Там же. Т. 13. Кн. 1. С. 149.

⁵⁹ «верен — однако, откровенно говоря, немного тяжеловесен и вял, — слишком в деловом стиле» (ПССуП(2). Письма. Т. 9. С. 121, 285).

Случай с И. Делаво также служит показательным примером. Узнав о публичном протесте Тургенева против перевода «Записок охотника», сделанного Шаррьером, Делаво обратился к Тургеневу за разрешением издать «авторизованный» перевод. Трудно детально восстановить роль Тургенева в этом переводе. Его сотрудничество с Делаво (несмотря на то, что Делаво фактически осуществил свой перевод до обращения к Тургеневу) продолжалось больше года и, судя по всему, не без взаимного раздражения и нервного напряжения. Хотя Тургенев непосредственно участвовал в переводе, результат его не удовлетворил. В письме к Л. Виардо он жаловался: «...ce n'est qu'après m'être embarqué dans cette affaire, que je me suis aperçu de l'insuffisance littéraire de Delaveau». ⁶⁰ Следствием этих литературных недостатков оказался именно «caractère morne et „procès-verbal”» перевода. ⁶¹

Придание первостепенной важности стилистическому чутью обозначало, что даже знание языка оригинала могло казаться Тургеневу второстепенным. Среди немецких переводчиков, кому он больше всего доверял, был Мориц Гартман. ⁶² Когда Эрих Бере решил предпринять немецкое собрание сочинений Тургенева, последний посоветовал ему в первую очередь обратиться именно к Гартману. Однако, когда Бере предложил, чтобы Гартман перевел новую повесть Тургенева «Несчастливая», Тургенев должен был сознаться: «Hartmann kann meine neueste Novelle nicht *direct* übersetzen, da er des Russischen nicht mächtig ist, er

⁶⁰ «...только связавшись в эту историю, я понял литературные недостатки Делаво» (ПССуП(2). Письма. Т. 3. С. 280).

⁶¹ «тусклый и „протокольный” характер» (Там же. Т. 10. С. 117, 311). Не один Тургенев был такого мнения о переводе Делаво. Когда В. П. Боткин проверял корректуру, он жаловался Тургеневу: «...странное впечатление оставило во мне это чтение: дух русского языка так несроден французскому, что точный перевод выходит по-французски угловат, сучковат; ни малейшей мелодии не чувствуется во фразе; <...> только с усиленным представлением доходит картина до воображения <...>. Я думаю, что Делаво подлил всю эту сухость и деревянность: увы, поэтического чувства, к сожалению, этот смертный не имеет никакого» (В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка 1851—1869. М.; Л., 1930. С. 137). И более поздние переводы Делаво не удовлетворяли Тургенева. Посылая П. Виардо перевод «Аси», сделанный Делаво, Тургенев заметил: «...il faut vous prévenir, que jamais peut-être ce pauvre Delaveau ne m'a abîmé plus complètement» («...должен вас предупредить, что, бы может, никогда еще этот несчастный Делаво не причинял мне такого полного ущерба») (ПССуП(2). Письма. Т. 5. С. 292, 394).

⁶² В ответ на предложение Гартмана предпринять переводы его произведений Тургенев писал: «Dass Sie mich übersetzen — ist mir eine Ehre und eine Freude; und ich muss es mit Dankbarkeit anerkennen, dass Sie Ihre Zeit an meine Sachen verschwenden. Ich erwarte die Uebersetzungen mit grosser Spannung; dass sie ganz vortrefflich sind, weiss ich im Voraus gewiss» («То, что Вы меня переводите, — для меня честь и радость; и я должен отметить с благодарностью, что Вы расточаете свое время на мои произведения. С большим нетерпением ожидаю эти переводы: что они превосходны, я знаю наперед») (ПССуП(2). Письма. Т. 8. С. 90, 234). Его ожидания оправдались. Когда он получил первую часть напечатанного перевода «Якова Пасынкова», он написал Гартману, что перевод «ist so vortrefflich, wie ich es nur wünschen kann. O hätt' ich immer solche Uebersetzer gehabt!» («так хорош, как только можно пожелать. О если бы я и прежде всегда имел таких переводчиков!») (Там же. С. 105, 236).

übersetzt erst aus dem Französischen. — Wenn Sie aber auf das „Tagebuch eines Jägers“ — reflectiren, so bin Ich überzeugt — er würde eine vortreffliche Version liefern — da er dieses Werk aus den Französischen Uebersetzungen gründlich kennt <...>».⁶³

4

Несомненно, в реализации пропагандистской задачи сказывалось основательное знание Тургеневым условий издательской практики в Западной Европе. Огромную, иногда даже решающую роль играли юридические обстоятельства, объясняемые тем, что Россия являлась государством, не подписавшим ни одного международного договора об авторских правах, а только несколько отдельных двусторонних договоров. Таким образом, очень часто ни переводчик, ни издатель перевода не нуждались в разрешении автора, и не обязательно надо было платить автору гонорар. Это касалось Тургенева и как автора, и как переводчика. По мере того как он становился более знаменитым и у него завязывались личные связи с издателями и переводчиками, росло и участие Тургенева в переводах собственных произведений. Не удивляет и то, что наблюдается прямое соотношение между его участием в переводе и чувством свободного владения языком. Поэтому наиболее активное участие он с самого начала принимал во французских переводах и меньшее — в немецких. Что касается переводов на английский язык, то он всегда был готов помочь объяснениями, но доверял переводчику, в первую очередь Вильяму Рольстону. В переводах на другие языки он не принимал непосредственного участия.⁶⁴

Следовательно, как роль, так и степень участия Тургенева в различных переводах собственных произведений могли резко различаться в зависимости от обстоятельств. Иногда он узнавал о существовании перевода только после того, как перевод появлялся в печати и кто-то (даже соперничающий переводчик) ему об этом сообщал. В случаях, когда к нему обращались заранее (не обязательно за разрешением), он считал такое обращение со стороны переводчика или издателя вежливостью, за которую всегда был благодарен.⁶⁵

⁶³ «Гартман не может *прямо* с оригинала перевести мою последнюю повесть, так как он не силен в русском; он переводит только с французского. — Но если Вы думаете о „Записках охотника“, то я убежден, что он сделал бы превосходный перевод, так как досконально знает это произведение по французским переводам» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 9. С. 85, 270).

⁶⁴ См. письмо к Анненкову от 12 (24) февраля 1877 г.: «Только и было у меня занятий, что корректура немецкого и французского перевода „Нови“ (есть и английский, и итальянский, и даже шведский (!) — но этих, к счастью, мне не посылают) <...>» (*ПССиП(1). Письма*. Т. 12. Кн. 1. С. 95).

⁶⁵ В 1874 г. американский издатель Генри Холт удивил Тургенева высылкой гонорара за те его произведения, которые он издал. Тургенев объяснил этот поступок тем, что «America is decidedly the land of eccentricities» («Америка — это решительно страна экс-

Как правило, Тургенев пользовался любым случаем, чтобы принять деятельное участие в переводе, считая это единственным средством влияния на его качество. Узнав о предлагаемом переводе, он старался связаться непосредственно с переводчиком и предлагал свою помощь — или советами, или проверкой перевода. Иногда он участвовал в переводе с самого начала — как в случаях, когда намерение сделать перевод возникало у него самого, так и в случаях, когда перевод предлагал кто-то другой.

Тургенев всегда сознавал, что среди европейской читающей публики интерес к переводам современных иностранных произведений был низким и что поэтому издатели неохотно вкладывали средства в издание переводов (это нередко удивляло русских, которые хотели зарабатывать переводами). Когда в 1868 году к Тургеневу обратились с просьбой убедить Ж. Этьцеля, у которого Тургенев тогда издавал французские переводы своих произведений и с которым лично дружил, издать перевод романа А. К. Толстого «Князь Серебряный», он сообщил издателю: «Je crois que cela peut avoir du succès — ce succès de 2000 lecteurs, dont vous me parliez et que ne dépassent guère les ouvrages traduits».⁶⁶

М. В. Авдееву, который с ним советовался, где издать переводы двух своих романов, он объяснял: «Переводы с иностранных языков печатаются в Париже туго и неохотно, потому что плохо идут с рук. Диккенс не нам чета — а ни один из его романов не вышел вторым изданием <...>. Мои книги переводились — но собственно я ни копейки за это не получал никогда, — а переводчику — в виде великой милости — платилось, и то не всегда, франков 300, 400. Афера, как Вы видите, не блестящая. Нечего и говорить, что ни одной моей книги не разошлось и первого издания, т. е. 2400 экз.»⁶⁷

центричностью») (*ПССуП(2). Письма*. Т. 13. С. 13, 257). Самому Холту Тургенев написал на своем иногда довольно оригинальном английском языке: «...I can frankly tell you that seldom or never has anything during all my literary career given me so much unmitigated pleasure. The deep sympathy I always felt for America and the Americans has been accrued by it; and the appreciation of your countrymen, testified by your amiable letter, makes me proud and happy» («...могу откровенно сказать вам, что за всю свою литературную жизнь я редко, или даже никогда не испытывал столь безграничного удовольствия. Тем самым глубокая симпатия, которую я всегда питал к Америке и к американцам, еще более возросла, а высокая оценка со стороны ваших соотечественников, засвидетельствованная вашим любезным письмом, вызывает во мне чувства гордости и счастья») (*ПССуП(2). Письма*. Т. 13. С. 12, 257). О неоднозначном отношении Тургенева к вопросу об авторских правах см.: *Waddington Patrick*. I. S. Turgenev and the International Literary Congress of 1878 // *New Zealand Slavonic Journal*. 1983. P. 37—70.

⁶⁶ «Думаю, что он может иметь успех — тот успех у 2000 читателей, о котором вы мне говорили и дальше которого не идут переводные сочинения» (*ПССуП(2). Письма*. Т. 8. С. 189, 263).

⁶⁷ Там же. С. 191—192. Такое положение должно было вскоре измениться. В 1868 г. Этьцель издал отдельным изданием французский перевод «Дыма», и за один лишь 1868 г. ему пришлось его переиздавать три раза. Всего до 1887 г. роман вышел у Этьцеля в десяти изданиях. См.: *Žekulin Nicholas G. A Bibliography of Books 1843—1982 By and About Ivan Turgenev*. Calgary, 1985. P. 113.

Ситуация в Германии была не более благоприятной. В письме от 25 декабря 1861 года Боденштедт жалуется на то, что ему с трудом удалось поместить первые переводы «da sich unsere besten Blätter jetzt entschieden dagegen sträuben, Übersetzungen in ihren Feuilletons aufzunehmen, sie wollen durchaus originell sein».⁶⁸ Эти первые переводы («Муму», «Якова Пасынкова» и «Фауста») выполнила жена Боденштедта Матильда с французского издания «Scènes de la vie russe», и сам Боденштедт впоследствии «verglich die Übersetzung damit, hie und da ein kleines Mißverständnis berichtigend und kleine Änderungen vornehmend».⁶⁹ Боденштедту удалось найти редактора, который согласился их принять, но только при условии, что имя переводчика появится в форме, допускающей двоякое толкование: «deutsch von Bodenstedt»; редактор не хотел принять перевод, исполненный «неизвестным» переводчиком.

В 1863 году Боденштедт подписал договор с мюнхенским издателем на трехтомное издание повестей и рассказов Тургенева в своем переводе, но после первых двух томов (1864—1865) издатель отказался от продолжения издания из-за малого на него спроса.⁷⁰

Когда Тургеневу как автору предлагали гонорар, он чаще всего отказывался от него в пользу переводчика — или по договору с издателем, или просто лично передавал свой гонорар.⁷¹ Был даже такой случай, когда Тургенев фактически заказал перевод за свой счет. Когда Боденштедт в 1862 году в первый раз обратился к Тургеневу и выслал ему перевод его повести «Фауст», Тургенев решил воспользоваться этим для того, чтобы сделать свое творчество более широко известным в Германии: «Je ne puis m'empêcher de commencer par vous parler de la traduction de ma nouvelle „Faust“ <...>. Je viens de la lire et je suis resté ravi à la lettre — elle est tout simplement parfaite. <...> Cette bonne fortune m'a fait venir l'eau à la bouche — et voici ce que je me permets de vous proposer. Je serais très heureux de me faire connaître au public allemand par l'entremise

⁶⁸ «так как лучшие наши газеты решительно возражают против помещения переводных произведений в качестве фельетонов и желают непременно печатать лишь оригинальные сочинения» (*Письма Боденштедта*. С. 307—308).

⁶⁹ «сравнил с ним перевод, выправил кое-где мелкие неточности и внес несколько незначительных изменений» (*Письма Боденштедта*. С. 307, 310).

⁷⁰ *Erzählungen von Iwan Turgénjew / Deutsch von Friedrich Bodenstedt. Autorisirte Ausgabe. München: Rieger'sche Universitäts-Buchhandlung. Bd 1. 1864. Bd 2. 1865. См.: Ранних Хорст. Тургенев и Боденштедт. С. 337.*

⁷¹ «Vom Honorar für mich persönlich ist gar nicht die Rede; das überlass' ich in der Regel dem Uebersetzer: mir ist an der Befriedigung, vom deutschen Publicum gelesen zu werden — vollkommen genug» («О гонораре лично для меня не может быть и речи; как правило, я оставляю его переводчику. Мне совершенно достаточно удовлетворения, что немецкая публика меня читает») (*ИССиП(2). Письма*. Т. 9. С. 105, 279. Письмо от 11 (23) декабря 1868 г. Ю. Роденбергу). См. также его письмо к А. П. Голицыну от 28 июня (10 июля) 1867 г.: «Je n'ai jamais touché de droits d'auteur en France; l'honneur d'y être lu me suffit» («Я никогда не получал авторского гонорара во Франции; мне достаточно чести, что меня там читают») (Там же. Т. 8. С. 16, 216).

d'un introducteur aussi excellent et aussi populaire que vous l'êtes — et si vous vouliez faire un choix de mes nouvelles pour les publier, je serais enchanté de tenir à votre disposition la somme que vous jugeriez suffisante pour vos honoraires — car je sais bien que les éditeurs actuels ne sont guère disposés pour tout ce qui est russe et ne se chargeraient tout au plus que de la publication». ⁷²

5

Помимо экономических факторов, переводческая практика сталкивалась с культурными барьерами. Бывают культурные явления, свойственные только данной стране, которые остаются для иностранцев просто чуждыми. После смерти Гоголя Тургенев сообщил Полине Виардо: «Les esprits les plus pénétrants parmi les étrangers, un Mérimée p. e. n'ont vu en Gogol qu'un humoriste à la façon anglaise — sa signification historique leur a complètement échappé — je le répète, il faut être Russe pour savoir tout ce que nous avons perdu!». ⁷³

Известно, что «принимающая культура» не готова принимать все, что ей предлагают. И с этим следует считаться. Поэтому Тургенев часто предоставлял выбор произведений для перевода как раз переводчику или издателю по той причине, что они лучше должны были знать свою публику. ⁷⁴ Хотя он иногда высмеивал узость культурных взглядов

⁷² «Не могу прежде всего не поговорить с вами о переводе моей повести „Фауст“ <...>. Я только что прочел его и был буквально в *восторге* — он просто прекрасен. <...> Этот счастливый случай разлакомил меня — и вот что я решаюсь предложить вам. Мне было бы весьма приятно познакомить немецкую публику с моими произведениями через столь превосходного и широко известного посредника, каким являетесь вы — и если бы вы согласились выбрать некоторые из моих повестей с тем, чтобы издать их, я был бы очень рад предоставить в ваше распоряжение ту сумму, которую вы сочтете достаточным вознаграждением за ваш труд, ибо я отлично знаю, что современные издатели весьма мало расположены ко всему русскому и самое большое — согласились бы принять на себя лишь типографские расходы» (*ПССуП(2). Письма*. Т. 5. С. 121, 336—337).

⁷³ «Самые проницательные и умные из иностранцев, как, например, Мериме, видели в Гоголе только юмориста на английский лад, его историческое значение совершенно ускользнуло от них. Повторяю, надо быть русским, чтобы понимать, кого мы лишили!» (Там же. Т. 2. С. 122—123, 386).

⁷⁴ «Quant au choix que vous me demandez de faire parmi mes productions, je crois que vous seriez beaucoup plus compétent que moi pour juger ce qui peut convenir au public allemand. Cependant je vais vous indiquer quelques titres pour me conformer à votre désir <...>» («Что же касается выбора, который вы просите меня сделать из моих произведений, то я полагаю, что вы лучше меня можете судить о том, что может подойти немецкой публике») (Там же. Т. 5. С. 125, 338. Письмо к Боденштедту от 6 ноября н. ст. 1862 г.); «Le choix que vous avez fait de mes œuvres me paraît excellent — et je le répète, je vous donne carte blanche» («Выбор, сделанный вами из моих произведений, я нахожу превосходным и повторяю еще раз, что предоставляю вам в этом полную свободу»). Несмотря на «полную свободу», Тургенев все-таки позволил себе «d'attirer votre attention sur un petit récit <...>» — «Поездку в Польшу» («обратить ваше внимание на маленький рассказ <...>») (*ПССуП(2). Письма*. Т. 5. С. 130, 338. Письмо к Боденштедту от 16 ноября н. ст. 1862 г.). «Ein Ausflug in die Waldregion» появился в первом томе боденштедтовского издания.

(в первую очередь, француз⁷⁵), он отлично понимал, что национальные нормы и вкусы читателей надо принимать во внимание, даже если результатом такого подхода являлось то, что произведение могло квалифицироваться как вообще не пригодное для перевода. Его, например, ничуть не удивило решение редакторов французского журнала «Revue des Deux Mondes», где раньше уже появлялось несколько его произведений, отказаться от повести «Призраки», которую они считали «гилю несуразной», несмотря на то, что перевод был выполнен Проспером Мериме.⁷⁶

Но дело было не только в выборе самих произведений. Тургенев не отрицал права переводчика исключать из перевода какое-либо предложение или часть произведения, которые, по мнению переводчика, не соответствуют принятым нормам. В своей английской заметке об «Истории одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина он утверждает, что «a burlesque description of the town of Glupoff, and of the governors who successively ruled over it from 1762 to 1826 — could not well be translated in its entirety, nor do I think that it could be understood or appreciated by a Western public. The „taste of the soil” is too perceptible, and the language too often runs into slang. <...> I repeat that the *History of a Town* could not be translated as it stands, but I think that a selection might be made out of the different forms of its Governors which pass before the reader's eyes, sufficient to give an idea to foreigners of the interest excited in Russia by a strange and striking book — one which, under a form necessarily allegorical, offers a picture of Russian history which is, alas! too true».⁷⁷

Но Тургенев пошел еще дальше; он даже допускал текстовые изъятия по личному вкусу переводчика. Когда Этцель издал перевод повести Марко Вовчок «Maroussia», Тургенев удивился, что издатель не

⁷⁵ В письме от 3 (15) января 1857 г. к Л. Н. Толстому он замечает: «Всё не ихнее им („французикам”. — Н. Ж.) кажется дико — и глупо. „Ah, le lecteur français ne saurait admettre cela!” («Ах, французский читатель не мог бы этого допустить!») (ПССиП(2). Письма. Т. 3. С. 181, 522). Традиция «вольных переводов», в которых оригинальный текст приспособлялся к доморощенным культурным нормам, была раньше широко распространена, но особо долго сохранялась во Франции. См. об этом, напр.: *Berman Antoine. The Experience of the Foreign. Culture and Translation in Romantic Germany.* / Transl. S. Heyvaert. Albany, 1984. P. 35—37; *Россельс В.* Теория художественного перевода — область литературоведения // Вопросы литературы. 1960. № 5. С. 157.

⁷⁶ См.: ПССиП(2). Письма. Т. 6. С. 164. Повесть все-таки вышла, когда Мериме угрожал порвать свои отношения с журналом (см.: *Mérimée Prosper. Correspondance générale.* Toulouse, 1941—1964. 2e série. Т. 7. P. 127. Далее сокращенно: *Mérimée. Corr.*).

⁷⁷ «в форме комического описания города Глупова и начальников, последовательно правивших им с 1762 по 1826 г. Целиком перевести ее невозможно, и западная публика, я думаю, не поняла бы и не оценила бы ее. Местный колорит здесь слишком силен, а язык слишком часто сбивается на жаргон. <...> Повторяю, „Историю одного города” нельзя перевести полностью, но я думаю, что из вереницы городничих, проходящих перед глазами читателя, достаточно было бы отобрать несколько типов, чтобы дать иностранцам представление о том интересе, который возбудила в России эта странная и поразительная книга, представляющая в аллегорической по необходимости форме слишком верную, увы! картину русской истории» (ПССиП(2). Соч. Т. 10. С. 263, 264—265).

исключил некоторые описания, которые ему, Тургеневу, казались излишними.⁷⁸

Самой дурной славой в связи с изменениями, которые Тургенев разрешал вносить в переводы собственных произведений, приспособлявая их к вкусам публики, пользуется французский перевод повести «Первая любовь», выполненный И. Делаво. В этом переводе (а следовательно, и во всех переводах, сделанных с этого перевода) есть эпилог, которого не было в русском оригинале и который никогда не добавлялся к русскому тексту повести. Перевод осуществлялся в 1860 году, но редакторы журнала «Revue des Deux Mondes» от него отказались. Необыкновенно резкая критика Луи Виардо в письме к Тургеневу от 23 ноября н. ст. 1860 года позволяет понять позицию французских редакторов: «Franchement, si j'avais été le directeur de la *Revue des Deux Mondes*, j'aurais aussi refusé ce petit roman, et par le même motif. Je crains bien qu'il n'appartienne à votre insu à ce qu'on nomme justement la littérature mal-saine. Tous les personnages y touchent à l'odieux <...> aucun d'eux n'intéresse ou n'amuse. <...> Et qui est-ce qui raconte cette scandaleuse histoire? Son fils, ô honte! Son propre fils, qui n'imité pas les enfants de Noé couvrant l'ivresse et la nudité de leur père, mais qui les étale au grand jour. Et ce n'est pas à seize ans qu'il parle, mais à quarante, quand ses cheveux grisonnent; et il ne trouve pas un mot de blâme ou de regret sur la déplorable situation de ses parents. A quoi sert, après cela, le talent dépensé sur un tel sujet?

Vous avez commencé par un livre excellent <...> Et maintenant vous vous laissez emporter à la dérive vers l'égout du roman moderne. Prenez-y garde, et hâtez-vous de remonter sur vos pas».⁷⁹

⁷⁸ «...je m'étonne surtout que vous n'ayez pas porté vos ciseaux sur certaines banalités de description qui se trouvent dans la première partie» («...меня в особенности удивило то, что вы не прошли с ножницами по некоторым банальностям в описаниях, содержащихся в первой части») (ПССУП(2). Письма. Т. 14. С. 133, 240. Письмо от 31 августа н. ст. 1875 г.). М. П. Алексеев приводит крайний пример такой вольности, в которой, безусловно, играет первичную роль личное мнение самого Тургенева (Алексеев. С. 301—302). Н. А. Островская вспоминала, что Тургенев думал предпринять французский перевод «Войны и мира», из которого бы исключалось всё философствование (или, в случае возражений со стороны Толстого, было бы перенесено в приложения, «потому что я знаю французоз, — они за скучным и смешным не увидят хорошего») (Островская Н. А. Из воспоминаний о Тургеневе // *Т в восп.* Т. 2. С. 78).

⁷⁹ *Nouv. corr. inéd.* Т. 2. Р. 115—116. «Откровенно говоря, если бы я был редактором „Revue des Deux Mondes“, я тоже отказался бы от этого небольшого романа и по тем же причинам. Боюсь, что его, хотите вы этого или нет, следует отнести в разряд той литературы, которую справедливо именуют нездоровой. Все его персонажи отдают одиозностью <...> никто из них не вызывает интереса, не отличается занимательностью. <...> И кто рассказывает всю эту скандальную историю? Его сын, о стыд! Его собственный сын, который не прикрывает наготы пьяного своего отца, подобно сыновьям Ноя, а выставляет его на божий свет. И ведь не в шестнадцать лет он это делает, а в сорок, когда у него самого уже серебрятся волосы; и он не находит ни единого слова порицания или сожаления по поводу жалкого положения своих родителей. Чему, после всего этого, служит талант, расходуемый себя на подобный сюжет? Вы начали с превосходной книги <...>

В 1863 году повесть появилась в сборнике «Nouvelles Scènes de la vie russe», вышедшем у Дантю, с эпилогом, в котором слушатели воспоминаний рассказчика обсуждают рассказанное как явление, свойственное исключительно русским нравам. В 1882 году, когда вышла немецкая статья, в которой такое морализирование рассматривалось как определяющая черта тургеневского искусства, Тургенев жаловался Л. Пичу: «Nun ist die ganze Argumentation des scharf- und tief sinnigen Kritikers <...> auf etwas basirt, das ich *gar nicht* geschrieben habe. Nämlich — das ganze reflectirende Anhängsel am Ende der Novelle „Die erste Liebe“ ist von meinem französischen Uebersetzer (unter uns: von Viardot) aus *moralischen* Rücksichten zugefügt worden... <...> Ich habe dagegen nicht protestirt. Vielleicht hätte ich es thun müssen <...>. Leider ist das Ding — diesmal wider meinen expressen Willen — in die deutsche Version übergegangen. Wie wenig so etwas in meiner Natur liegt — werden Sie wohl wissen... So ein reflectirendes Nachgrübeln und Recensiren ist wie das Gackern der Henne *nach* dem Eiligen... höchst unnütz — und bei dem Menschen jedenfalls verwirrend».⁸⁰

А теперь вы даете унести себя мутному потоку современного романа. Остерегитесь и поспешите вернуться на круги своя» (см.: И. С. Тургенев в воспоминаниях современников. Переписка И. С. Тургенева с Полиной Виардо и ее семьей / Сост., вступит. ст. и коммент. к разделу «Воспоминания» В. Г. Фридлянд. Сост., перевод, вступит. ст. и коммент. к разделу «Переписка» Н. П. Генераловой. М., 1988. С. 498—499).

⁸⁰ «И вот оказывается, что вся аргументация остроумного и глубокомысленного критика <...> основывается на том, чего я *вовсе не* писал. А именно весь привесок с рассуждениями в конце повести „Первая любовь“ прибавлен моим французским переводчиком (между нами: Виардо) из соображений *морального* свойства... <...>. Я не протестовал против этого. Может быть, мне и следовало бы это сделать <...> К сожалению, этот привесок — на сей раз уже определенно против моего желания — перешел в немецкий перевод. Как мало свойственно мне такое — Вы, наверное, знаете... Все эти запоздалые умствования и оценки похожи на кудахтанье курицы *после* того, как она снесла яйцо... совершенно бесполезны — и только сбивают с толку» (Письмо от 15 февраля н. ст. 1882 г. ПССуП(1). Письма. Т. 13. Кн. 1. С. 196, 369). Речь идет о статье Роберта Бира: *Robert Byr* <Karl Robert von Bayer>. *Kleinere Erzählungen von Turgenejew* (Маленькие рассказы Тургенева). Она появилась в журнале «Magazin für die Literatur des In- und Auslandes» (номер от 1 января 1882 г.) в качестве рецензии на одиннадцатый том «Ausgewählte Werke», вышедший в издательстве Бере (текст этого места статьи воспроизведен в сборнике *Turgenejew Iwan. Briefe an Ludwig Pietsch* / Hrsg. Christa Schulze. Berlin-Weimar, 1968. С. 255—256). См. также: *Pietsch Ludwig. Eindrücke und Erlebnisse auf einer Maifahrt nach Belgien und Frankreich* (1882) // *Ibid.* S. 165. Не сохранилось никаких писем Тургенева, в которых он дает особые указания по поводу перевода этой повести на немецкий язык. В письме к Фр. Боденштедту от 13 августа 1863 г. он обещает ему выслать французские переводы, «où se trouvent les petites additions et restitutions du texte que j'ai faites» («где находятся сделанные мною небольшие добавления и восстановления текста») (ПССуП(2). Письма. Т. 5. С. 201, 355). Перевод, осуществленный Боденштедтом (лишь в 1865 г.), включал концовку французского перевода, но не вызвал особого замечания со стороны Тургенева, считавшего сам перевод превосходным: «die „Erste Liebe“ ist geradezu ein *capo d'opera*) («„Первая любовь“ — настоящий шедевр») (Там же. Т. 6. С. 168). Среди сохранившихся писем к Бере есть письмо от 8 апреля (ст. ст.?) 1880 г., в котором Тургенев одобряет выбор произведений для одиннадцатого тома, но без особого указания на вопрос об окончании «Первой любви» (см.: *Rimscha Hans, von. Die bisher unbekanntenen Briefe Ivan*

Во французской Национальной библиотеке сохранился русский текст этого эпилога, в связи с чем некоторые русские комментаторы приходили к заключению, что Тургенев не устоял перед нажимом со стороны Л. Виардо и все-таки сам написал этот эпилог. Заглавие рукописи «Прибавленный хвост для французского издания в „Первой любви“» на самом деле не позволяет окончательно решить вопрос о роли Тургенева в эпилоге, но подтверждает учет национальных вкусов в его создании.⁸¹

Бывало, однако, и наоборот, когда Тургенев пользовался переводом, чтобы включить места, которые из оригинала исключала русская цензура. Среди таких примеров можно назвать перевод «Записок охотника», который сделал И. Делаво,⁸² и некоторые места в романе «Дым».⁸³ Были даже случаи, когда Тургенев что-то добавлял в текст перевода, впоследствии включенное и в русский текст. В письме к Луи Виардо от 16 октября н. ст. 1857 года он предлагает добавить («je vous propose d'ajouter») новую концовку в перевод повести «Поездка в Полесье». Перевод появился с этой концовкой (с некоторыми стилистическими изменениями, скорее всего принадлежавшими Виардо), а когда Тургенев готовил очередное русское издание своих сочинений, он включил эту концовку в русский текст повести с некоторыми незначительными дополнительными изменениями.⁸⁴ Но если Тургенев с видимым равнодушием относился к пропускам и приспособлениям, вводимым переводчиками, то внесение новых идейных элементов ему явно досаждало;

S. Turgenew an seinen deutschen Verleger Erich Behre in Mitau // Jahrbuch für Geschichte Osteuropas. N. F. Bd 18 (1970). Heft 4. S. 572). Другого письма, в котором Тургенев коснулся бы этого вопроса, нет, хотя из письма к Юлиусу Роденбергу от 12 января н. ст. 1882 г. известно, что Тургенев просматривал корректуру одиннадцатого тома, как и всех предыдущих (*ПССиП(1). Письма*. Т. 13. Кн. 1. С. 177).

⁸¹ Существует мнение, будто и русские читатели могли считать повесть безнравственной (см., напр.: *Кийко Е. И.* Окончание повести «Первая любовь» (1863) // *ЛН*. Т. 73. Кн. 1. С. 59—68; здесь факсимильно приводятся документы, подтверждающие, что окончание повести написано по-русски рукой Тургенева. Не исключено, правда, что оно является переводом, выполненным Тургеневым с чужого французского оригинала).

⁸² См.: *Прийма Ф. Я.* Новые данные о «Записках охотника» Тургенева во французской литературе // «Записки охотника» И. С. Тургенева (1852—1952). Ст. и материалы / Под ред. М. П. Алексеева. Орел, 1955. С. 344—345. Хотя Делаво прямо не называет цензуру, он говорит об этом в своем предисловии к изданию: «...il a même consenti à rétablir quelques passages qu'il avait cru devoir prudemment supprimer dans l'œuvre originale et qui, par un cachet particulier de vérité, ajoutent encore à l'effet qu'elle produit dans son ensemble» («...он даже согласился восстановить несколько фрагментов, которые вынужден был осмотнительно исключить из первоначального текста и которые, будучи особо отмеченными достоверностью, усилили общее впечатление» (*Tourguénéff Ivan. Récits d'un chasseur / Trad. par H. Delaveau. Paris: Dentu, 1858. P. viii—ix*).

⁸³ См.: *Горохова Р. М.* «Дым». Работа Тургенева над французским переводом романа // *ТСб*. Вып. 5. С. 255. Речь идет, в первую очередь, о биографии генерала Ратмирова.

⁸⁴ *ПССиП(2). Письма*. Т. 3. С. 262, 563; см.: *Tourguénéff I. Deux journées dans le Grand-Bois // Tourguénéff I. [Nouvelles] Scènes de la vie russe. Paris: Hachette, 1887. P. 290—291*, см. также *ПССиП(1). Соч.* Т. 7. С. 70, 302. Главным прибавлением в русском тексте является фраза в первом абзаце «и поигрывал и перебирал вожжами» (о Кондрате).

против «авторских» комментариев или суждений, которые в его тексте отсутствовали, против так называемой «отсебятины» он с досадой возмущался.⁸⁵ Получив первую часть перевода «Дыма», сделанного А. П. Голицыным, Тургенев выразил свое разочарование: «Je ne réclame pas contre les suppressions, affaiblissements d'expressions etc. — que vous avez crus nécessaires — mais je ne puis admettre qu'on me fasse dire noir où je dis noir».⁸⁶

Но даже в таких случаях он только жаловался, но не требовал изменения перевода!

6

Хорошо известно, что Тургенев приходил в ужас от даже незначительных опечаток в своих произведениях. В такой же ужас он приходил от грубых ошибок в переводе. Не удивительно, что он был всегда готов помочь любому переводчику, чтобы избежать бессмыслицы, которая могла возникнуть из-за недостаточного знания языка со стороны переводчика. В своих письмах к переводчикам Тургенев всегда обращал особое внимание на такие места и предлагал, чтобы к нему обращались для пояснений или с вопросами. В июле 1864 года, получив от Боденштедта его перевод «Постоялого двора» (который он, как всегда, считал образцовым), он все-таки ему предложил: «Vergessen Sie nicht, dass ich zu Diensten stehe, wegen etwaiger unverständlicher Worte in den „Visionen“».⁸⁷ И Боденштедт в своем ответе от 29 июля приложил список выражений, которые ему были «nicht ganz klar».⁸⁸ Марии Пецольт, которая в 1869 году послала Тургеневу свой перевод повести «Нечастливая», он отвечает: «...muß Ihre Arbeit als gewissenhaft und getreu loben. Nur ist Ihnen der Sinn einiger allzu idiomatischen, russischen Phrasen dunkel geblieben <...>».⁸⁹

Готовность Тургенева помочь переводчику распространялась не только на его собственные произведения. В 1879 году, например, когда зашла речь о переводе «Кзакаов» Л. Толстого, Тургенев предложил свои услуги Э. Дюрану, который был ответственным за окончательный

⁸⁵ Об «отсебятине» в связи с переводческой практикой И. И. Введенского см.: *Левин Ю. Д.* Русские переводчики XIX века и развитие художественного перевода. С. 128—131.

⁸⁶ «Я не возражаю против изъятий, смягчения выражений и т. д. — которые вы сочли необходимыми — но я не могу допустить, чтобы меня заставили говорить черное, где я говорю <белое>» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 8. С. 20, 217). Доказательством степени смятения Тургенева служит то, что у него слово «noir» повторяется там, где следует «blanc».

⁸⁷ «Не забудьте, что я к вашим услугам, если встретятся непонятные слова в „Призраках“» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 6. С. 39, 193).

⁸⁸ «не совсем ясно» (*Письма Боденштедта*. С. 325).

⁸⁹ «...должен похвалить Вашу работу за добросовестность и точность. И только смысл некоторых слишком идиоматических русских фраз остался для Вас неясным <...>» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 10. С. 94, 307).

французский текст: «Je me hâte de vous faire savoir que j'accepte votre proposition avec empressement et que je vous renverrai le manuscrit des „Cosaques” aussitôt après l'avoir parcouru et fait les corrections nécessaires, s'il y a lieu d'en faire».⁹⁰

Постоянной характерной чертой участия Тургенева в переводах на французский и немецкий языки было то, что он настаивал, когда мог, чтобы ему высылали корректуру на проверку и правку, особенно в случае, если он не принимал участия в самом переводе. Это являлось фактическим условием его договора с Э. Бере при издании «авторизированного» немецкого собрания его сочинений: «Ueberhaupt Ich möchte, dass in Ihrer Ausgabe nur *solche* Uebersetzungen — Ich meine, sorgfältig von mir revidirte, — Platz fänden, — und Ich würde dann, wenn Sie es wünschen sollten, mich nicht mit einer einfachen Autorisation begnügen, sondern ein Paar Worte als kurze Vorrede vorausschicken».⁹¹

Однако и здесь Тургенев не нарушал своего понимания прав переводчика. Проверка корректуры — после того, как перевод был уже осуществлен, — опять-таки должна была служить преимущественно для исключения вздора, т. е. исправления мест (слов или фраз), которые переводчик просто не понимал. Получив перевод «Призраков» от Боденштедта (который ему всегда высылал свои переводы до их появления в печати, «damit Sie noch beliebige Änderungen treffen oder vorschlagen können, um das Ganze makellos in die Öffentlichkeit zu bringen»⁹²), Тургенев ему сообщил: «Was die Uebersetzung betrifft, so brauch' ich Ihnen nicht zu sagen, dass Sie, wie immer, völlige „carte blanche” haben — und meine Verbesserungen gingen bloss auf den Sinn — nie auf die Form — und lassen Ihnen Ihre Freiheit ganz».⁹³

Такой «карт-бланш» предоставлялся не только доверенному переводчику, но даже писателям — носителям языка, которых он просил сделать окончательную стилистическую шлифовку перевода: он хотел добиться того, чтобы перевод читался не как перевод. Даже если допустить, что Тургенев выбирал — сознательно или неосознанно — писателей, чей стиль он ценил, степень доверия иногда поражает, особенно тогда, когда переводчику возвращалась проверенная корректура.

⁹⁰ «Спешу уведомить вас, что я с готовностью принимаю ваше предложение и пришлю вам рукопись „Казаков” сразу же после того, как просмотрю ее и сделаю необходимые исправления, если таковые потребуются» (ПССиП(1). Письма. Т. 12. Кн. 2. С. 111, 362).

⁹¹ «Вообще мне хотелось бы, чтобы в Вашем издании были помещены только *такие* переводы — т. е. внимательно просмотренные мною — и в таком случае, если бы Вы того пожелали — я не ограничился бы простой авторизацией, но добавил бы пару слов в качестве короткого вступления» (ПССиП(2). Письма. Т. 9. С. 84, 269).

⁹² «так что вы сможете внести или предложить исправления, чтобы выпустить все в свет в безукоризненном виде» (Письма Боденштедта. С. 313, 314. Письмо от 3 ноября 1862 г.).

⁹³ «Что касается перевода, то мне не к чему говорить, что я даю вам всегда совершенную „carte blanche” и что мои поправки касаются смысла — а отнюдь не изложения — и оставляют вам полнейшую свободу» (ПССиП(2). Письма. Т. 6. С. 54, 196).

Далее Тургенев не собирался снова возвращаться к ней до появления в печати.

Примером такой крайней степени его доверия может служить немецкий перевод «Отцов и детей», который должен был открывать собрание сочинений в издании Бере. Когда рекомендованный самим Тургеневым перевод оказался неудовлетворительным, он в отчаянии обратился к своему близкому другу Людвигу Пичу с просьбой: «...die Uebersetzung (aus dem Französischen natürlich) sehr mangelhaft ist. Ich quäle mich ein Dutzend Capitel hindurch — kann aber nicht weiter fortfahren — kenne auch den deutschen Styl zu wenig. <...> ich bin überzeugt, dass mit der blitzartigen Schnelligkeit der Arbeit, mit der der gütige Himmel Sie gesegnet hat — Sie die Sache in 2 Tagen herumkriegeln: es handelt sich nur darum, einen Vergleich mit der französischen (vortrefflichen) Uebersetzung durchzuführen <...>».⁹⁴

Даже если принять во внимание явное преувеличение, вызванное признательностью Тургенева за то, что Пич согласился просмотреть перевод, все равно поручение Тургенева поражает неограниченностью предложенной Пичу свободы: «Was die Uebersetzung betrifft — haben Sie natürlich die vollständigste carte blanche! Sie können, wenn Sie wollen — Bazaroff die Frau Odintsoff heirathen lassen; protestiren werd' ich nicht! Im Gegentheil!».⁹⁵

7

Гораздо более сложным и запутанным является вопрос о том, как Тургенев сверял перевод с оригиналом. Тут свидетельства, по меньшей мере, противоречивые. Когда речь идет о переводах сочинений других авторов, то, естественно, сличение перевода с оригиналом имело место. А. А. Фет вспоминает, что в 1853 году Тургенев сличал каждую строку его переводов из Горация.⁹⁶ Рекомендую М. М. Стасюлевичу перевод поэмы Г. Гейне «Deutschland. Ein Wintermärchen», который сделал В. М. Михайлов, Тургенев уверял редактора: «Я два раза вместе с переводчиком прошел всю поэму от стиха до стиха, сверяя ее с подлинником — и, кажется, результат был достигнут вполне удовлетворительный».⁹⁷

⁹⁴ «...перевод (с французского, конечно) очень неудовлетворителен. Мучаюсь на протяжении двенадцати глав — но продолжать не могу — к тому же я слишком мало знаком с немецким стилем. <...> я уверен, что при молниеносной быстроте работы, которой Вас наградило благое небо — Вы ее одолеете в 2 дня: всё дело в том, чтобы сличить этот перевод с французским (превосходным) <...>» (ПССиП(2). Письма. Т. 9. С. 123, 285—286).

⁹⁵ «Что касается перевода — то Вам, разумеется, предоставляется полностью carte blanche! Вы можете, если пожелаете, позволить Базарову жениться на г-же Одинцовой: я не стану протестовать! Наоборот!» (Там же. С. 135, 288).

⁹⁶ Фет. МВ. Ч. 1. С. 36.

⁹⁷ ПССиП(2). Письма. Т. 12. С. 135.

Когда же речь идет о переводах его собственных произведений, дело осложняется тем, что Тургенев мог подключиться к переводу на разных этапах. Если вначале он сам с листа переводил для переводчика, то, естественно, он это делал на основе оригинала. Но в таких случаях нет доказательств, что он впоследствии еще раз сличал перевод с оригиналом. Но если Тургенев получал уже готовый перевод — или для проверки, или перед тем, как его рекомендовать, можно было бы ожидать, что он его тщательно проверит. На самом же деле вряд ли это было так. Судя по тому, как часто он впоследствии находил серьезные недостатки и ошибки в переводе, который раньше хвалил или даже будто бы проверял, можно заключить, что он нередко читал такие переводы довольно поверхностно. В письме к Э. Бере он весьма точно определяет свою роль в исправлении немецкого перевода романа «Накануне» для издания Бера: «Ich habe alle drei Hefte sorgfältig durchgelesen und habe alle Ungenauigkeiten und Fehler verbessert. Ich will nicht sagen, dass der von mir gewählte Ausdruck überall der rechte war — lasse auch dem Herrn Uebersetzer volle Freiheit — aber der *Sinn des Originals* ist auf das Exacteste widergegeben».⁹⁸

Однако в деле перевода «Отцов и детей» все обстояло по-другому. Оказывается, сам издатель обратил внимание писателя на обширные пропуски в переводе, который Тургенев ему рекомендовал, и Тургенев должен был признаться, что рекомендованный им перевод он лишь бегом просмотрел.⁹⁹

По воспоминаниям Н. В. Щербаня, Тургенев иногда «тяготился» процессом сличения с оригиналом. Во время долгого периода совместной работы с И. Делаво над «Записками охотника», «Тургенев был, разумеется, доволен, что произведения его попали в руки человека, который не примет (как перед тем Шарьер) „арапник“ за „арапа“; но слегка тяготился просмотром его рукописей и сличение их с оригиналом подчас доверял Боткину или мне, — быть может, не столько „из лени“, сколько из опасения слишком усердным личным участием в переводе как бы изменить чете Виардо».¹⁰⁰

Судя по всему, дело тут обстояло не в нежелании, лени или даже почтительном отношении к Виардо. Даже тогда, когда имеются точные сведения о сличении, исследователей наших дней нередко поражает вольность результатов. Хорст Раппих цитирует воспоминания Л. Пича

⁹⁸ «Я тщательно прочел все три тетради и исправил все неточности и ошибки. Не хочу утверждать, что найденные мною выражения всегда хороши — предоставляю господину переводчику полную свободу — но смысл оригинала передан самым точным образом» (Там же. Т. 10. С. 165—166, 324).

⁹⁹ «blos<s> flüchtig angesehen» (Там же. Т. 9. С. 120. Письмо к Бера от 14 января 1869 г.). В письме к Бера от 19 ноября 1868 г. Тургенев заметил: «...nun Sie mir aber sagen, dass gegen das Ende einiges ausgelassen worden ist <...>» («...а теперь вы мне сообщаете, что в конце кое-что опущено») (Там же. Т. 9. С. 84)

¹⁰⁰ Щербань Н. В. Из воспоминаний об И. С. Тургеневе (1861—1875) // *Т в восп.* Т. 2. С. 32.

о том, как проверялся перевод «Призраков», выполненный Боденштедтом: «Nie vergesse ich jenen Augustnachmittag, als Turgenjew in dem kleinen traulichen Salon der Villa Viardot, aus dessen Fenster man die Waldhöhe des Merkur, vom heißen Sonnenlicht vergoldet, drüben jenseits der Stadt auftragen sah, mit der Herrin des Hauses und mir gemeinsam die Prüfung und Feilung jener Uebersetzung vornahm. Er mit dem russischen Original in der Hand, jedes Wort erwägend, das ich aus Bodenstedt's Manuscript verlaß, und unsere Meinung, unsere Vorschläge hörend, bis dann schließlich durch Abstimmung über den bestentsprechenden, die feinen russischen Nuancen am genauesten wiedergebenden deutschen Ausdruck entschieden wurde».¹⁰¹

Несмотря на это, сравнивая перевод с оригиналом, Раппих пришел к заключению: «...Тургенев, по-видимому, лишь бегло сравнивал перевод с русским текстом, обращая особое внимание на устранение грубых смысловых ошибок».¹⁰²

Цель сличения у Тургенева, очевидно, опять-таки ограничивалась исключением явных ошибок в переводе. Взгляд Тургенева на права переводчика, с одной стороны, и его убеждение, что перевод должен читаться не как перевод, а как самостоятельное произведение на языке перевода, с другой стороны, означали, что соотношение с оригиналом для него занимало второстепенное место.

Сравнение четырех французских переводов окончания рассказа «Бирюк» очень показательно. Оно позволяет установить некоторые важные характерные черты тургеневской практики переводчика (см. Приложение). Перевод, выполненный самим Тургеньевым, является недавно обнаруженным фрагментом перевода, сделанного для друга семьи Виардо — д-ра Фриссона. Фрагмент хранится в Тургеньевском музее в Буживале. Второй перевод сделал Шарль Роллина в 1875 году для Тургенева в качестве «пробы пера»; Тургенев считал этот перевод «très bonne» («очень хорошим»)¹⁰³. Третьим является «авторизованный»

¹⁰¹ *Pietsch Ludwig*. Erinnerungen an Iwan Turgenjew. I // *Vossische Zeitung*. 1883. 12. September. N 425. «Я никогда не забуду тот августовский день, когда в маленькой уютной гостиной виллы Виардо, из окон которой видны были поднимающиеся за городом золоченные горячими лучами солнца и поросшие лесом холмы, Тургенев вместе с хозяйкой дома и со мной принял за проверку и шлифовку перевода. С русским оригиналом в руках, взвешивая каждое слово, прочитываемое мной по рукописи Боденштедта, он прислушивался к нашему мнению и нашим предложениям; в заключение мы путем голосования выбирали немецкое выражение, наиболее точно передающее тончайшие оттенки русской речи» (Пер. цит. по: *Раппих Хорст*. Тургенев и Боденштедт. С. 341).

¹⁰² Там же. С. 342. О чтении перевода «Призраков» Тургенев сообщил Боденштедту в письме от 1 августа 1864 г.: «Heute lese ich es noch einmal mit Mme Viardot zusammen und schicke Ihnen morgen oder spätestens übermorgen meine Bemerkungen, die in sehr beschränkter Anzahl sein werden — da die Uebersetzung vortrefflich ist, wie immer» («Сегодня я прочту ее (рукопись. — Н. Ж.) еще раз вместе с г-жою Виардо и завтра или, самое позднее, послезавтра отправлю вам мои замечания, которых будет весьма ограниченное количество, ибо перевод, по обыкновению, превосходен») (*ПССиП(2)*. Письма. Т. 6. С. 44, 195).

¹⁰³ *ПССиП(2)*. Письма. Т. 13. С. 52.

перевод Делаво, в котором Тургенев принимал участие. Последний — печально известный перевод Э. Шарриера, против которого Тургенев был принужден публично протестовать, в частности, из-за «les changements, les interpolations, les additions, qui s'y rencontrent à chaque page. C'est à ne pas s'y reconnaître».¹⁰⁴ В общем, каждый из переводов соответствует репутации переводчика. Самым точным следует считать перевод Делаво, но он на самом деле похож на отчет секретаря суда. Шарьер вставляет в текст свои комментарии («tu m'as étonné et réjoui») и прибавляет подробности, которые отсутствуют в оригинале: он упоминает двух детей лесника (которых Тургенев в конце очерка не упоминает) и добавляет звуки удаляющейся лошади и лязг ворот. Роллина соединяет точность с живостью, которая отсутствует у Делаво (напр., его «mais prends garde...»).

Больше всего удивляет перевод самого Тургенева. Хотя в некоторых местах встречаются особо удачные выражения (тургеневское «lança» по сравнению с «rousser/poussa» у французов), по существу Тургенев допустил такие вольности, каких не позволял себе даже Шарьер! Среди них можно указать на прибавления к тексту оригинала (напр., «après s'être recueilli»; «avec un demi-sourire»), на пропуски (не упоминается готовность рассказчика защитить крестьянина: «и уже протянул было руку»), на перефразировки и новую детализацию (многоточие, которое следует за освобождением крестьянина, выражается прямо словами: «Il n'acheva pas sa phrase»; прямая речь рассказчика переходит в повествование: «quand je fus revenu de mon étonnement»). В двух местах можно недвусмысленно говорить об ошибках. Вместо «Через полчаса» читаем «Un quart d'heure plus tard» («Через четверть часа»). Более серьезной ошибкой следует считать то, что в русском тексте дождь не прекращается, а во французском прекращается («дождика-то вам не переждать» становится «La pluie a cessé» — «Дождь прекратился»). В общем, трудно себе представить, что какое бы то ни было окончательное сличение перевода с оригиналом имело место (хотя еще труднее представить, что автор мог предпринять такой перевод без какого-либо, хотя бы изначального, обращения к оригиналу, переводя просто по памяти). Можно также сказать, что перевод являлся для Тургенева своего рода продолжением творческого процесса работы над текстом.

8

Так как французские переводы произведений Тургенева часто служили для дальнейших переводов на другие языки, не удивительно, что он обращал столько внимания именно на них.¹⁰⁵ Он за ними следил,

¹⁰⁴ «всех изменений, вставок, прибавлений, которые встречаются в нем на каждом шагу. Сам себя не узнаешь» (Там же. Т. 2. С. 293, 415).

¹⁰⁵ См., напр., письмо к Бере по поводу «Дворянского гнезда»: «Nun hat grade diese Novelle in sofern wenig Glück gehabt, dass die Französische Uebersetzung grade zu schlecht

предлагал свою помощь переводчикам, сам занимался переводами. Как современники Тургенева, так и сегодняшние исследователи подтверждают, что Тургенев владел французским языком на чрезвычайно высоком уровне.¹⁰⁶ Кажется удивительным, почему же Тургенев систематически привлекал к участию в подготовке переводов даже на этот язык опытного французского писателя, исходило ли предложение перевода от него самого или от кого-либо другого. Такое сотрудничество имело свои цели. Помимо того, что сотрудник должен был обеспечить соответствие перевода принятым литературным стандартам, а также национальным культурным и нравственным нормам, была и сугубо практическая цель. Хотя первый перевод «Записок охотника» поднял довольно много шума, это не означало, что Тургенев сразу стал широко известным и что на дальнейшие его произведения был большой спрос. Сотрудниками Тургенева являлись писатели с прочными связями в мире издателей, которые обеспечивали малознакомому иностранцу вход в этот мир.¹⁰⁷

Первым французским сотрудником Тургенева был Луи Виардо. Или может быть лучше сказать, что Тургенев был одним из первых сотрудников Луи Виардо. Л. Виардо знали во Франции как писателя широких международных интересов. Он издал несколько серий книг об искусстве и книги об охоте в разных европейских странах; в 1836—1837 годах он выпустил знаменитый перевод «Дон-Кихота» (который переиз-

und mangelhaft ist — (es giebt eine Englische, ganz vorzügliche unter dem Namen: „Liza“ von W. Ralston). Somit kann sie dem Uebersetzer nicht dienen)» («Именно этой повести не повезло настолько, что и французский ее перевод слишком плох и неудовлетворителен — (есть английский, совершенно великолепный, под названием „Лиза“, У. Рольстона). Значит, он никак не поможет переводчику») (*ИССИП(2). Письма*. Т. 10. С. 173, 326).

¹⁰⁶ «On considère à juste titre comme un fait acquis que Tourguéniev avait une excellente connaissance de notre langue: c'était en effet la langue étrangère que ce polyglotte parlait et écrivait le mieux. <...> Ce qu'on observe chez Tourguéniev serait <...> la conviction ancrée d'être excellent juge en matière de langue et style français» («Справедливо считается общепринятым фактом, что Тургенев, — пишет современная французская исследовательница Франсуаза Фламан, — превосходно знал наш язык: в самом деле, на этом языке полиглот Тургенев говорил и писал лучше всех других языков. <...> У Тургенева можно заметить <...> твердую убежденность в том, что он является превосходным судьей в области французского языка и стиля» (*Flamant Françoise*. Tourguéniev et la langue française // *Cahiers*. N 5 (1981). P. 42). О способности Тургенева к немецкому языку писал Л. Пич: «Er sprach das Deutsche nicht nur vollkommen fließend, sondern auch mit einer ganz seltenen Freiheit, Fülle, Originalität und Anschaulichkeit der Ausdrücke» (*Pietsch Ludwig*. Erinnerungen an Iwan Turgenjew. I // *Königlich privilegierte Berlinische Zeitung von Staats- und gelehrten Sachen (Vossische Zeitung)*. N 423 (11. September 1883). «Он не только свободно говорил по-немецки, но и обладал редко встречающейся меткостью, полнотою и ясностью выражений» (Пер. цит. по: *Т в восп.* Т. 2. С. 245).

¹⁰⁷ Н. В. Щербань в своих воспоминаниях не без ехидства замечает: «Без обширных книгопродавческих и газетных связей, которые Виардо пускали в ход, озабочиваясь сбытом своего уже товара; без литературных знакомств, которые преимущественно они доставляли Ивану Сергеевичу, — переводы его повестей покупались бы издателями менее охотно, шли бы туго, и „реномэ“ Тургенева во Франции медленнее достигло бы приобретенных им размеров» (*Щербань Н. В.* Из воспоминаний об И. С. Тургеневе. С. 32).

дается во Франции по сей день). Первоначальное предложение принять участие во французских переводах из русской литературы, очевидно, сделал Виардо. Виардо не знал русского языка, но живо интересовался Россией — ее искусством, ее общественным и политическим строем, ее литературой, а также охотой — еще с первой поездки в Россию, когда он сопровождал свою жену во время ее блистательных гастролей в 1843 году. В 1845 году он издал в еженедельнике «L'Illustration» статью под названием «De la littérature russe contemporaine. Pouchkine, Lermontov, Gogol» («О современной русской литературе. Пушкин, Лермонтов, Гоголь»). Хотя статья появилась без упоминания соавтора, считается, что Виардо ее написал при непосредственном участии Тургенева. По утверждению французского исследователя Мишеля Кадо, статья является своего рода всеобъемлющей программой переводов, которую в течение двадцати лет Виардо осуществлял вместе с Тургеневым.¹⁰⁸

В предисловии к первому переводу (из Гоголя), который появился в 1845 году, Виардо поясняет, что ему помогало несколько русских — они диктовали ему французские переводы русских оригиналов. Среди помощников был Тургенев, хотя и не названный по имени: «un jeune écrivain déjà renommé comme poète et critique» («молодой писатель, уже известный как поэт и критик»).¹⁰⁹ Тургенев скоро становится единственным «помощником», даже если о его участии и не упоминалось в печати, пока он сам не стал известным во Франции.¹¹⁰ Решение о выходных данных на титульном листе, очевидно, принимали издатели. По поводу сборника «Scènes de la vie russe» Виардо сообщал Тургеневу в письме от 5 февраля 1859 года: «Je voulais mettre sur le titre: deuxième

¹⁰⁸ *Cadot Michel. Le rôle d'I. S. Tourguéniev et de Louis Viardot dans la diffusion de la littérature russe en France.* P. 54. В этой статье Кадо приводит исчерпывающий список произведений Виардо, касающихся России. См. также: *Серезкина Л. Д. «Охотничьи воспоминания» Луи Виардо и «Записки охотника» И. С. Тургенева // Тургеневские чтения.* Вып. 2. М., 2006. С. 257—271 и *Clayton J. Douglas. «L'Histoire de Dmitri» de Louis Viardot et «l'ami russe» // La Russie et le monde francophone.* Ottawa: Groupe de recherche en études slaves de l'Université d'Ottawa, 2007. P. 167—175.

¹⁰⁹ *Cadot.* Op. cit. P. 53. То, что первоначальная идея возникла у Виардо, подтверждается участием именно нескольких помощников, а не одного Тургенева.

¹¹⁰ Первые два тома переводов (*Gogol N. Nouvelles russes, 1845* и *Pouchkine A. La fille du capitaine, 1853*) появились только с именем Виардо. Уже в третьем томе (*Pouchkine. Poèmes dramatiques*), вышедшем в 1862 г., переводчиками названы оба: Тургенев и Виардо. За исключением переводов собственных произведений, Пушкин остался в центре внимания Тургенева-переводчика. В 1876 г. он издал перевод четырех стихотворений Пушкина (этот перевод проверял Г. Флобер), и когда в 1880 г. появилась ранее не известная глава повести «Капитанская дочка», он немедленно издал французский перевод этой главы (переводчиками названы снова он и Луи Виардо). См.: *Измайлов Н. В. И. С. Тургенев — переводчик Пушкина на французский язык // Пушкин. Исследования и материалы.* Л., 1974. Т. 7. С. 185—203. Имея в виду тесные связи Л. Виардо с журналом «L'Illustration», не исключено, что анонимный перевод «Героя нашего времени», который появился там в 1846 г. и который упоминается Измайловым (С. 189), тоже был сделан Тургеневым и Виардо.

сérie, traduite sous la dictée de l'auteur par L. V. Templier a désiré que je misse plutôt: traduite avec la collaboration de l'auteur».¹¹¹

Виардо никогда и в дальнейшем не скрывал, как он осуществлял «свои» переводы с русского языка. В 1859 году он объяснял Этцелю: «J'ai eu soin d'annoncer, à deux reprises, comment mes traductions du russe étaient faites: un ami me dicte le mot à mot, et j'écris le français, voilà tout. Cet ami, Jean Tourguéneff, était à la maison il y a peu de jours».¹¹²

Эмиль и Алис Дюран, которым принадлежат многие переводы поздних произведений Тургенева, более подробно описывают метод их совместной работы: «Il dictait une traduction aussi littérale que possible de son œuvre à M. Viardot, qui la mettait en français littéraire sous sa direction. Chaque phrase difficile, chaque mot douteux était discuté entre eux, et le résultat finissait par être excellent. C'est ainsi qu'un bon tiers de son œuvre entier a été traduit».¹¹³

Замечательная способность Тургенева мгновенно переводить устно, причем не только с русского языка, засвидетельствована многими современниками. Известно, как он, окончив писать какое-нибудь произведение, сначала читал его Полине Виардо, с листа перевода с русского на французский.¹¹⁴ Ги де Мопассан вспоминает «кампанию», предпринятую Тургеневым на «воскресеньях» у Флобера для ознакомления

¹¹¹ «Я хотел поставить на титуле: вторая серия, переведено Л. В. под диктовку автора. Тамплие пожелал, чтобы значилось: переведено при участии автора» (*Zviguilsky Alexandre. Introduction // Nouv. corr. inéd. T. 2 P. XXXI—XXXII*). Возможно, письма Л. Виардо к Тургеневу, которые готовит к изданию А. Звигильский для предстоящего номера *Cahiers*, содержат немало сведений о сотрудничестве Тургенева с Виардо.

¹¹² «Я дважды объяснял, каким образом осуществлялись мои переводы с русского: один из друзей диктовал мне слово в слово, а я записывал по-французски, вот и все. Этот друг, Иван Тургенев, совсем недавно был у нас». См.: *Parménie A., Bonnier C. Histoire d'un éditeur et de ses auteurs: P.-J. Hetzel. Paris, 1953. P. 397* (цит. по: *Cadot. Op. cit. P. 56*). Как показывает Кадо (Р. 53), Виардо об этом писал уже в предисловии к первому сборнику произведений Гоголя в 1845 г.

¹¹³ «Он диктовал перевод своего произведения настолько дословно, насколько это возможно, господину Виардо, который перелагал его, под руководством Тургенева, на литературный французский язык. Каждое трудное предложение, каждое сомнительное слово ими обсуждалось, и в итоге всегда все получалось превосходно. Таким образом была переведена добрая треть его произведений» (*Durand-Gréville E. Ivan Tourguéneff: Seconde et dernière partie // Bibliothèque universelle et Revue suisse. 3e série. Vol. 48 (Décembre 1890). P. 579*). Алис Дюран печаталась под псевдонимом Анри Гревиль (*Henri Gréville*), а их совместные труды — под именем «*Durand-Gréville*». Судя по письму к Гартману от 30 апреля 1867 г., Тургенев однажды думал о том, чтобы подобным образом осуществить перевод на немецкий язык: «...vielleicht mach' ich eine Anstrengung — und schicke Ihnen einen sogenannten „monstre“ — eine wörtliche Uebertragung in's Deutsche <...>. Allein mach' ich es nicht: find' ich aber einen Helfer, dem ich das Zeug in die Feder dictiren könnte — dann thue ich's» («...быть может сделаю усилие — и пошлю вам так называемую „монстре“ — дословный перевод на немецкий язык <...>. Один я с этим не справлюсь, но если найду помощника, которому смогу диктовать эту вещь — тогда я это выполню» (*ЛССиП(2). Письма. Т. 7. С. 186, 283*).

¹¹⁴ См. письмо к Анненкову от 19 (31) декабря 1871 г. (*ЛССиП(2). Письма. Т. 11. С. 186*).

своих французских коллег с великими именами иностранной литературы, чьи произведения они, как многие французы, мало или вовсе не знали: «Souvent Tourgueniev était chargé de livres étrangers et traduisait couramment des poèmes de Goethe, de Pouchkine et de Swinburne».¹¹⁵

Интереснейший взгляд на сам процесс диктовки предоставляет рукопись, которая хранится в Национальной библиотеке в Париже. Речь идет о французском переводе рассказа из «Записок охотника» — «Малиновая вода», на титульном листе которого стоит «Traduction dictée par Tourguéneff».¹¹⁶ Это черновая рукопись с многими исправлениями и изменениями, некоторые из которых вписаны рукой Тургенева. В этой рукописи можно найти несколько мест, где во французском тексте находится непереуведенное русское слово или фраза, например: «Oh ces maitresses (sic! — *Н. Ж.*), Bon Seigneur, voilà one-to его и разорили»; перевод русской фразы («C'est elles qui l'ont ruiné») потом приводится на полях.¹¹⁷ Немного дальше, в предложении «C'était une simple jeune fille du десятского, mais une gusée!» сделано два исправления: вычеркнуто слово «jeune», а над строкой вписаны существительное «paysanne» и перевод русского слова «десятский» — «sergeant»; на полях вписан возможный вариант последней фразы: «quelle était méchante!»¹¹⁸ Русские слова никак не являются трудными для перевода. То, что они фигурируют во французском тексте, показывает, как работал многоязычный мозг Тургенева. Когда эквивалент слова или фразы на желаемом языке не сразу всплывает в памяти, вместо того чтобы остановиться и подумать, он предпочитает продолжать переводить, а потом вернуться к неподатливому слову и в этот момент внести изменения, в том числе стилистические.¹¹⁹

У Виардо возникла не только идея предпринять переводы произведений корифеев тогдашней русской литературы, но, очевидно, и произведений самого Тургенева. Еще за шесть лет до появления в печати первого, шарьеровского, французского перевода «Записок охотника» Луи Виардо предложил перевести несколько очерков из этого цикла. Тургенев тогда отказался и объяснил свой отказ Полине Виардо тем,

¹¹⁵ «Часто Тургенев был нагружен иностранными книгами и бегло переводил с листа стихотворения Гёте, Пушкина или Суинберна» (*Maupassant Guy de. Étude sur Gustave Flaubert (1884) // Œuvres complètes de Guy de Maupassant / Présentés par Gilbert Sigaux. Lausanne, 1962. Vol. 16. P. 486.*)

¹¹⁶ Bibliothèque Nationale (BN). Slaves 78. F^o 106r.

¹¹⁷ BN. Slave 78. F^o 115r. «Ох, уж эти матрески, прости господи! Оне-то и его разорили» (*ПССУП(2). Соч. Т. 3. С. 37.*)

¹¹⁸ BN. Slave 78. F^o 115v. «Девка была простая, ситовского десятского дочь, да такая злющая!» (*ПССУП(2). Соч. Т. 3. С. 37.*)

¹¹⁹ Это могло бы послужить подтверждением слов П. Виардо, что на смертном одре Тургенев ей диктовал свой последний рассказ «Конец» «смесью франц. языка с немецким и даже итальянским» (письмо П. В. Анненкова к М. М. Стасюлевичу от 8 мая 1885 г. // М. М. Стасюлевич и его современники. СПб., 1912. Т. 3. С. 439). Это явление известно психолингвистам под названием «переклочение с одной системы кодов на другую».

что эти очерки «ne méritent pas l'honneur d'une traduction; mais l'offre que me fait el señor Luis est trop flatteuse pour que je ne m'abonne pas dès à present à en profiter plus tard <...>». ¹²⁰ Первый их совместный перевод («Постоялого двора») осуществился лишь в 1857 году. ¹²¹ В дальнейшем предложение предпринять перевод какого-нибудь тургеневского произведения возникало иногда то у одного, то у другого. ¹²²

Хотя сотрудничество Тургенева с Луи Виардо продолжалось на протяжении почти всей дальнейшей творческой жизни Тургенева, в 1860-х годах у него появился еще один авторитет. Это был Проспер Мериме, которого можно даже считать «высшим» авторитетом для Тургенева. «Соперничество» двух авторитетов не проходило без разногласий. В 1865 году Тургенев и Луи Виардо сделали перевод поэмы Лермонтова «Мцыри». Тургенев послал перевод Мериме для окончательного «encadrement» («окаймления»). Однако, когда перевод появился в журнале «Revue Moderne», переводчиком был назван один Тургенев. Перевод сопровождался предисловием Луи Виардо, в конце которого была фраза, которую вписал Тургенев и в которой высказывалась благодарность Мериме за то, что он «a bien voulu se charger de la révision de notre traduction». ¹²³ То, что Виардо нигде не назван как переводчик этого произведения, вызвало мягкий протест с его стороны — в письме к редактору журнала, где Виардо прощает Тургеневу его «petite galanterie à l'adresse de M. Mérimée». ¹²⁴

Мериме, несомненно, пользовался некоторым преимуществом перед Луи Виардо. Он был одним из самых знаменитых писателей того времени; давно интересовался русской историей и литературой (в первую очередь, Пушкиным) — до такой степени, что изучил русский язык и мог сам переводить. Мериме перевел несколько тургеневских произведений, но главная его роль состояла в том, что он исправлял пе-

¹²⁰ «не достойны чести быть переведенными; но предложение, которое мне делает el señor Luis, слишком лестно, чтоб я не согласился на него теперь же, дабы воспользоваться им позднее <...>» (ПСКуП(2). Письма. Т. 1. С. 251, 383).

¹²¹ «L'auberge de grand chemin» напечатан в журнале «L'Illustration» (1857. Т. XXX, N. 770—774, Nov. 28 — Déc. 26) и перепечатан в сборнике «Scènes de la vie russe» (2ème série) в 1858 г.

¹²² Так, напр., в 1859 г. предложение пришло от Тургенева: «Si Dieu nous prête vie — à Viardot et à moi — et s'il veut bien consentir à se charger d'une besogne aussi ingrate, nous traduirons le „Nid“ dans un autre nid <...>» («Если бог продлит наши дни — Виардо и moi — и если Виардо согласится взвалить на себя столь неблагодарный труд, то мы с ним переведем „Гнездо“ в другом гнезде <...>») (ПСКуП(2). Письма. Т. 4. С. 15, 406). Этот перевод не осуществился, так как их опередили В. А. Соллогуб и Альфонс де Калонн (см.: Waddington Patrick, Montreynaud Florence. A Bibliography of French Translations from the Works of I. S. Turgenev, 1854—1885. Wellington, NZ, 1980) n. pag. (перепечатано из «Slavonic and East European Review» — LVIII. N 1 (1980). P. 76—98, item 7. Далее сокращенно: Waddington / Montreynaud).

¹²³ «захотел взять на себя труд просмотреть наш перевод» (Lermontov Mikhail. Le Novice // Cahiers. N 15 (1991). P. 5.

¹²⁴ «небольшую любезность по адресу г. Мериме». См.: Zviguilsky Alexandre. A propos d'une traduction française de «Mtsyri» (Tourguéniev et Lermontov) // Ibid. P. 15—21, 18.

реводы других и являлся автором предисловий к переводам и статьям о Тургеневе, чем сильно помог упрочить репутацию писателя среди образованной французской читающей публики. Кроме того, он не раз служил третейским судьей в вопросах, касающихся пригодности тургеневских произведений с точки зрения общественной «морали». Иногда он сам просто делал изменения в тексте перевода, иногда поддерживал Тургенева, когда редакторы требовали изменений, которые Мериме считал излишними, а однажды посоветовал обратиться к третьему, якобы более авторитетному лицу в вопросах «морали». Тургенев «расплачивался» тем, что служил консультантом Мериме, когда у последнего возникали затруднения в его русских исторических исследованиях.¹²⁵

Тургенев и Мериме встретились в 1857 году, и каждый из них уже знал сочинения другого. Сотрудничать над переводами, однако, они начали не сразу. В декабре 1861 года Тургенев показал Мериме перевод своего рассказа «Жид» с просьбой высказаться, годится ли рассказ к печати. Мериме нашел его «*jolie, mais sur le point de savoir si elle était ou non morale, je n'ai su que lui dire, n'ayant jamais un grand sentiment sur la matière*». В результате он посоветовал Тургеневу обратиться к бывшей своей любовнице Валентине Делессер, которой Тургенев недавно был представлен. Тургенев этому совету последовал.¹²⁶ Несколько месяцев спустя Мериме принял более активное участие в судьбе перевода повести «Петушков», который был сделан Делаво, о чем Тургенев сообщал В. П. Боткину: «...ему очень понравился „Петушков“, и собирался прочесть его со мной. Ни одной строки он не оставил так, как ее написал Делаво».¹²⁷

Когда появилось отдельное русское издание романа «Отцы и дети», Мериме его прочитал и, очевидно, ожидал, что к нему обратятся для проверки корректуры французского перевода. Однако, возникли проблемы со стороны Бюлоза, редактора журнала «*Revue des Deux Mondes*», который настаивал на внесении изменений. Тургенев сопротивлялся и обратился к Мериме, который на этот раз полностью под-

¹²⁵ См.: *Parturier Maurice. Une amitié littéraire: Prosper Mérimée et Ivan Tourguéniev.* Paris, 1952, где в первый раз напечатано большинство сохранившихся писем Мериме к Тургеневу (эпистолярный архив Мериме сгорел при пожаре дома в 1871 г.). См. также: *Thierry Oswald. Autour d'une collaboration littéraire: les destins croisés de Mérimée et de Tourguéniev // Cahiers. N 15 (1991). P. 79—101* и его же: *Mérimée / Tourguéniev: nouvelle frontière // Cahiers. N 27 (2003). P. 83—96.*

¹²⁶ «милым, что же касается вопроса, отвечает он или нет моральным нормам, я не знал, что ему сказать, поскольку тема эта меня никогда не занимала». Обращаясь к В. Делессер, Тургенев писал: «...il y a certaines considérations qui me font hésiter et dont personne mieux que vous, Madame, ne pourrait être juge. Je vous en serais véritablement reconnaissant» («...существуют некоторые соображения, заставляющие меня колебаться, и в этом, милостивая государыня, никто не сможет быть лучшим судьей, чем вы. Я был бы вам за это искренне благодарен»). Письма Мериме к В. Делессер от 22 (*Mérimée. Corr. T. 10 (2): 4*). P. 434) и Тургенева от 25 декабря 1861 г. (*ЛССиП(2). Письма. Т. 4. С. 391, 445*). Повесть появилась в печати лишь в 1869 г.

¹²⁷ Письмо от 7 апреля 1862 г. (*ЛССиП(2). Письма. Т. 5. С. 46*).

держал своего коллегу: «Si je ne connaissais de longue main les niaiseries et les scrupules du conseil suprême de la *Revue des Deux Mondes*, je ne comprendrais rien à sa façon d'agir. Il se peut qu'on lui ait dit, et cela est même probable, qu'en vous traduisant on risquait de perdre deux abonnés à Pétersbourg».

Это мнение, однако, не воспрепятствовало тому, что Мериме ввел в перевод «quelques petits changements dans l'intérêt des mœurs», когда роман появился отдельным изданием у Шарпантье в мае 1863 года с письмом-предисловием от Мериме.¹²⁸

Письмо от Тургенева к Этцелю от 11 июня 1868 года по поводу перевода повести «Бригадир» подтверждает, насколько Тургенев полагался на Мериме в роли редактора французского литературного стиля (и одновременно проливает свет на отношения Тургенева с издателем, которому он доверял): «J'ai envoyé l'original russe à Mérimée; faites-lui parvenir une épreuve pour qu'il y jette un coup d'œil: de votre côté faites les corrections que vous jugeriez nécessaires. — J'ai dicté cette traduction à Viardot qui l'a mise en français: je suis sûr que c'est très exact — et Viardot sait son métier».¹²⁹

Интересно отметить, что это доверие не зависело от тождества эстетических взглядов. Мериме не раз высказывался по поводу того, что прозаический стиль Тургенева ему не совсем по вкусу. В письме к Тургеневу, в котором он обсуждает перевод А. П. Голицыным романа «Дым», он пишет: «Elle est des plus libre, très et trop abrégée, même pour moi, qui vous ai souvent reproché l'excès de vos adjectifs et le trop d'idées et d'images dans une seule phrase».¹³⁰

Самое непосредственное участие Мериме принял в сборнике «Nouvelles Moscovites», который вышел у Этцеля в 1869 году. Четыре из семи переводов, включенных в этот сборник, приписываются Мериме, о трех сообщается: «Traduction par l'auteur» («Перевод автора»)¹³¹ Подробности, однако, показательны. Если у Тургенева было чуть ли не

¹²⁸ «Если бы я давно не был знаком с глупостью и придирчивостью верховного совета „Revue des Deux Mondes“, я бы ничего не понял в том, что они делают. Может быть, им сказали, и это вполне вероятно, что переводя вас, они рискуют потерять двух подписчиков в Петербурге»; «несколько небольших изменений в интересах морали» (*Mérimée. Corr.* Т. 11 (2: 5). Р. 342, 361. См. также р. 302. Письма к Тургеневу от 24 февраля и 18 марта 1863 г.) См. также: *Waddington / Montreynaud. Item 28.*

¹²⁹ «Русский оригинал я послал Мериме; перешлите ему также корректуру, чтобы он просмотрел ее; со своей стороны вносите исправления, какие сочтете необходимыми. Я продиктовал этот перевод Виардо, который переложил его на французский: я уверен, что это очень точно — а Виардо знает свое дело» (*ПССуП(2). Письма.* Т. 8. С. 206, 270—271).

¹³⁰ «Он из наиболее вольных, очень и слишком сокращенный, даже на мой вкус, а я часто упрекал вас в избытке прилагательных, идей и образов в каждой фразе» (*Mérimée. Corr.* Т. 13 (2: 7). Р. 555. Письмо от 20 июля 1867 г.).

¹³¹ См.: *Waddington / Montreynaud. Item 38 и ПССуП(2). Письма.* Т. 9. С. 207. Подробнее об этом см.: *Горохова Р. М.* К истории издания сборника Тургенева «Nouvelles moscovites» // *Т Сб.* Вып. 1. С. 257—269.

слепое доверие к Мериме в вопросах стилистической правки, он гораздо меньше удовлетворялся его переводами. Он решил не включать перевод повести «Ася», который сделал некий Пагонкин и который Мериме подверг тщательной переработке перед тем, как его объявить «bien traduit» («хорошо сделанным»). Несмотря на то, что его решение привело к необходимости добавочной корректуры, Тургенев этому переводу предпочел другой (скорее всего сделанный Делаво), который он сам основательно переделал.¹³² Он также долго колебался, какой из переводов рассказа «Собака» включить в сборник, так как отдавал предпочтение переводу, который выполнил Н. В. Щербань: «...une traduction *excellantissime* du „Chien” <...> qui est bien meilleure que celle de Mérimée. C'est la traduction nouvelle que je prie de faire imprimer — j'espère bien que Mérimée ne s'en fâchera pas; il sait lui-même que la sienne est loin d'être exacte».¹³³

Что касается перевода Мериме «Призраков» (который появился на три года раньше в журнале «Revue des Deux Mondes»), то Тургенев сделал в корректуре столько изменений, что пришлось требовать не только повторной корректуры. Он понял, что без ведома Мериме этот перевод не может появиться. Все это не мешало тому, что новую корректуру надо было выслать тому же Мериме: «En même temps vous aurez la bonté d'envoyer un exemplaire de ces épreuves *corrigées* à M. Mérimée; je lui écris de mon côté pour lui expliquer le pourquoi de ces changements et pour le prévenir».¹³⁴

После смерти Мериме в 1870 году Тургенев снова стал сотрудничать преимущественно с Луи Виардо (хотя пару раз он обращался к Г. Флоберу¹³⁵). Однако большинство французских переводов поздних его произведений сделал Эмиль Дюран (некоторые — вместе со своей женой Алис). По собственному их признанию, эти переводы делались «sous la direction de Tourguénef», это означало, что Тургеневу посылались корректура для внесения предложений и для проверки.¹³⁶ Только в самом конце жизни Тургенев счел, что может обойтись

¹³² Письмо к Тургеневу от 6 июня 1866 г. (*Mérimée, Corr.* Т. 13 (2): 7). Р. 126; письма Тургенева к Маршалю от 7, 16 и 20 марта 1869 г. (*ПССУП(2). Письма.* Т. 9. С. 162, 173 и 176—177).

¹³³ «...и великолепнейший перевод „Собаки” <...> который гораздо лучше перевода Мериме. Именно этот новый перевод я прошу напечатать — надеюсь, что Мериме не обидится; он и сам знает, что его перевод далеко не точен» (*ПССУП(2). Письма.* Т. 9. С. 193, 305. Письмо к Эццелю от 13 апреля 1869 г.). Редакторы решили все-таки напечатать перевод Мериме (см.: Там же. С. 195, 197).

¹³⁴ «Одновременно будьте так добры послать экземпляр *выправленной* корректуры г-ну Мериме; со своей стороны я пишу ему, чтобы его предупредить и объяснить причину этих изменений» (письмо к Маршалю от 15 мая 1869 г. *ПССУП(2). Письма.* Т. 9. С. 210, 310).

¹³⁵ Помимо переводов четырех стихотворений Пушкина, о которых упоминалось выше (подробнее о них см.: *Meunieux André. Trois stylistes, traducteurs de Pouchkine — Mérimée, Tourguénef, Flaubert. Essai de traduction comparée.* Paris, 1962), это касается перевода «Человека в серых очках» (см.: *ПССУП(1). Письма.* Т. 12. Кн. 2. С. 123, 168).

без «авторитета». Вместе с Полиной Виардо он перевел повесть «Песнь торжествующей любви» (которая появилась без упоминания имени переводчика в ноябре 1881 года в журнале «La Nouvelle Revue française»). В декабре 1882 года в журнале «La Revue politique et littéraire» появился перевод тридцати стихотворений в прозе, который приписывался в печати одному Тургеневу, хотя этот перевод тоже, по всей вероятности, был осуществлен совместно с Полиной Виардо.¹³⁷ И хотя Полина Виардо, безусловно, могла давать советы и вносить предложения, она не могла играть ту роль видного авторитета, которую в начале тургеневской переводческой деятельности играл ее муж, а затем — Проспер Мериме.

9

Печальная история первого перевода романа «Дым» может служить показательным примером многочисленных видов участия, которое принимал Тургенев в переводах своих произведений. В данном случае он не являлся инициатором перевода, и, несмотря на его попытки принять все необходимые меры предосторожности, результаты оказались в основном неудовлетворительными. Французский перевод предпринял А. П. Голицын, представитель русской католической семьи, который жил постоянно в Париже, где выступал как писатель и переводчик. В конце июня 1867 года Голицын обратился к Тургеневу с просьбой разрешить издание своего перевода «Дыма» в журнале «Le Correspondant».¹³⁸ Так как Мериме, очевидно, уже раньше намекнул на свое желание перевести этот роман, Тургенев, в первую очередь, обратился к Ме-

¹³⁶ «под руководством Тургенева» (*Durand-Gréville E. Ivan Tourguénef. P. 579*). Судя по письму к Дюрану от 22 марта 1877 г., Тургенев проверял корректуру «Нови» вместе с Луи Виардо (которому принадлежит объяснительная сноски в тексте перевода) (см.: *ПССуП(1). Письма. Т. 12. Кн. 1. С. 119—120*).

¹³⁷ См.: *ПССуП(1). Письма. Т. 13. Кн. 1. С. 126* и *ПССуП(1). Письма. Т. 13. Кн. 2. С. 129*. Рукописи этих переводов, которые хранятся во французской Национальной библиотеке (*BN. Slaves 77. F. 85—191*), записаны не его почерком. В письме к Пичу от 25 декабря 1882 г. Тургенев пишет, что эти переводы сделаны «mit Hilfe Frau Viardot's» («с помощью г-жи Виардо») (Там же), а в письме к Рольстону от 27 декабря он утверждает: «...the translation made in French by M-me Viardot was made according to her will, not mine» («...перевод на французский сделала г-жа Виардо по своему, а не по моему желанию») (Там же. С. 133), но такое утверждение следует считать преувеличенным.

¹³⁸ В письме к М. Гартману Тургенев назвал ежемесячный журнал Голицына «ultra-katholisch aristokratisch» («ультракатолическим аристократическим») (*ПССуП(2). Письма. Т. 8. С. 68, 228*). Более тонкое определение дал Мериме в письме к Тургеневу от 3 июля 1867 г.: «Je crois que *Le Correspondant* est lu par une foule de gens biens pensants, des dames qui vont régulièrement à confesse et qui *glubunt magnanimos Franci nepotes*, mais elles sont intelligentes. Elles diront peut-être du mal de vous, mais vous lirez avec plaisir, quelques scènes peut-être d'une main seulement» («Я полагаю, что „*Le Correspondant*” массой благомыслящих людей, дамами, регулярно ходящими на исповедь и *glubunt magnanimos Franci nepotes* (верящих в величие Франции — *лат.*), но они умны. Возможно, они будут

рине, который решил ограничиться проверкой корректуры. На вопрос Мериме: «Voulez-vous que je revoye les épreuves avant, ou après, qu'on vous les expédie?»,¹³⁹ Тургенев попросил его осуществлять окончательную стилистическую шлифовку. Голицыну он сообщил, что корректуру надо было сначала выслать ему, Тургеневу, и что, после того как он введет необходимые исправления, она пойдет к Мериме: «Vous comprendrez aisément, Monsieur, qu'on profite d'une pareille bonne fortune <...>. Il va sans dire que j'accepte d'avance toutes ses corrections».¹⁴⁰ Мериме возлагал большие надежды на Голицына. Он писал ему: «Jusqu'à présent M. T. n'a eu pour traducteur que des personnes qui savaient médiocrement le russe et encore plus médiocrement le français».¹⁴¹ Однако его надежды не оправдались. Получив корректуру первых глав, Мериме предупредил Тургенева: «Je viens de parcourir sa traduction. Elle est des plus libre, très et trop abrégée <...> Ce qui m'effraye le plus, c'est qu'il me paraît avoir trop de vertu».¹⁴²

Скоро у Мериме появились и более серьезные опасения: «Je ne sais si vous voyez mes corrections. J'en fais d'énormes et sans scrupules, persuadé que vous revoyez les épreuves en dernier ressort. Le Prince, qui, dites-vous, ne sait pas le russe, ne se doute pas de nos prétérits, il les confond sans cesse avec nos imparfaits».¹⁴³

Самые худшие предчувствия как Тургенева, так и Мериме подтвердились, когда появились первые главы перевода в номере «Le Correspondant» от 25 июля. Скорее всего из-за того, что слишком много времени ушло на пересылку корректуры (она шла из Парижа к Тургеневу в Баден-Баден, а оттуда обратно в Париж, сначала к Мериме, а от него к Голицыну), эти главы появились без какого-либо учета изменений, введенных Тургеневым и Мериме. Письмо Тургенева к Голицыну

говорить о вас дурно, но с удовольствием вас прочитают, несколько сцен, может быть, правда, бегло» (*Mérimée. Corr.* Т. 13 (2: 7). Р. 538).

¹³⁹ «Желаете ли вы, чтобы я посмотрел корректуры до или после того, как их перешлют вам?» (*Ibid.*).

¹⁴⁰ «Вы, конечно, понимаете, милостивый государь, что подобным счастливым случаем следует воспользоваться <...>. Само собою разумеется, что я заранее принимаю все его поправки» (*ЛССиП(2). Письма.* Т. 8. С. 15, 216). Подробный анализ изменений, сделанных Тургеневым, частично на основе рукописей во французской Национальной библиотеке, содержится в статье: *Горохова Р. М. «Дым»*. Работа Тургенева над французским переводом романа // *Т Сб.* Вып. 5. С. 250—261.

¹⁴¹ «До сих пор у г. Т. переводчиками были только люди, знающие посредственно русский язык, или еще более посредственно французский» (*Mérimée. Corr.* Т. 13 (2: 7). Р. 546. Письмо к Голицыну от 16 июля 1867 г.).

¹⁴² «Я пробежал перевод. Он из наиболее вольных, очень и слишком сокращенный. <...> Более всего меня пугает то, что в нем, похоже слишком много добродетели» (*Mérimée. Corr.* Т. 13 (2: 7). Р. 555—556. Письмо от 20 июля 1867 г.).

¹⁴³ «Не знаю, увидите ли вы мои исправления. Я их делаю в огромном количестве и без зазрения совести, будучи убежденным, что вы будете последней инстанцией. Князь, который, по вашим словам, не знает русского языка, не знает и нашего прошедшего завершенного времени, путая его то и дело с незавершенным» (*Mérimée. Corr.* Т. 13 (2: 7). Р. 577. Письмо к Тургеневу от 17 августа 1867 г.).

дышит разочарованием — и раздражением: «...je vous avouerai avec franchise que je n'ai pas pu me défendre d'un sentiment pénible en voyant mon nom mis sous un travail qui fourmille — il faut le dire — de fautes et de contresens. Vous n'avez pas tenu compte des corrections, que je me suis hâté de vous envoyer par l'entremise de Mr Mérimée; il était donc pour le moins inutile de me faire parvenir ces épreuves. <...> Comment voulez-vous que j'accepte des non-sens aussi absolus que ceux-ci — <...> p. 693.l.11. d'en bas — au lieu de dire: „un bon élève voit les fautes de son maître — mais garde sur elles un silence respectueux, car ces fautes elles-mêmes renferment un enseignement salutaire” — il y a: „un bon professeur voit les fautes de son élève” etc. — de façon que c'est la Russie qui est le professeur et l'Europe — l'élève!.. Et cela dans la bouche de Potouguine! <...> Je vous avoue aussi qu'avec les scrupules dont vous me faites part dans votre dernière lettre quant à l'effet que produirait sur des mères de famille certaine page concernant les rapports de Potouguine et d'Irène — je ne comprends pas que vous ayez songé à traduire ma nouvelle: les rapports de Litvinof et d'Irène sont bien autrement explicites — et je ne vois aucun moyen de les gazer, à moins de faire des changements si complets, qu'ils dénatureraient tout le récit».¹⁴⁴

Тургенев и здесь придерживается своего принципа: переводчик имеет право на стилистические изменения и пропуски. Но он не отказывается и от другого своего принципа — протестовать, если смысл произведения искажается; он также выказывает раздражение по поводу

¹⁴⁴ «...и, признаюсь откровенно, что я не мог освободиться от тягостного чувства при виде своего имени, помещенного под работой, кишашей — должен это сказать — ошибками и нелепостями. Вы не учли исправления, которые я поспешил отправить вам через посредство г-на Мериме; так что было по меньшей мере бесполезно посылать мне эти корректуры. <...> Как же я могу согласиться с такой совершенной бессмыслицей, как <...> на с. 693, с<трока> 11 снизу — вместо того, чтобы сказать: „хороший ученик видит ошибки своего учителя — но молчит о них почтительно, ибо самые эти ошибки служат ему в пользу” — стоит: „хороший учитель видит ошибки своего ученика” и т. д. — так что выходит, будто Россия — это учитель, а Европа — ученик!.. И это в устах Потугина! <...> Признаюсь также, что я не понимаю, как вам, при ваших, сообщенных мне в последнем письме, сомнениях относительно того впечатления, которое может произвести на матерей семейств некая страница, касающаяся отношений Ирины и Потугина, — как вам могла придти мысль переводить мою повесть; отношения между Литвиновым и Ириной — совершенно недвусмысленные — и я не вижу никакого способа скрыть их, разве что внести изменения столь значительные, что они исказили бы всё повествование» (ЛССУП(2). Письма. Т. 8. С. 20—21, 217). В письме к г-же де Монтихо от 23 сентября Мериме определил свою задачу: «Le prince Galitzine supprime les passages un peu scabreux et moi je les rétablis. Je ne sais à qui de nous restera la victoire, mais j'espère bien scandaliser les douairières qui lisent le *Correspondant*» («Князь Голицын изъял наиболее неприличные фрагменты, а я их восстанавливаю. Не знаю, за кем из нас останется победа, но очень надеюсь возмутить богатых вдовушек, читающих *Correspondant*») (Mérimée. *Corr.* Т. 13 (2: 7). Р. 611). В письме к Тургеневу от того же числа Мериме приводит примеры фраз, которые Голицын подверг цензуре на основе «безнравственности». В частности, он жаловался на то, что Голицын заменил фразу: «Два часа спустя, он сидел у себя на диване» на: «Через час он сидел один у себя в номере» (Ibid. См. также р. 618). Мериме восстановил подлинный срок, но в данном случае выиграл Голицын!

излишне, на его взгляд, строгих моральных взглядов переводчика. Но проверяя корректуру, Тургенев не только исправлял перевод Голицына. Одновременно он, как впервые показала Р. М. Горюхова, воспользовался случаем, чтобы включить в текст французского перевода некоторые места, которые были изъяты из русского текста, появившегося в «Русском вестнике» Каткова.¹⁴⁵

Несмотря на такое не обнадеживающее начало Тургеневу все-таки казалось, будто положение улучшилось с последующими частями — он даже объявил, что перевод теперь «ne laisse plus rien à désirer».¹⁴⁶ Но облегчение продолжалось недолго. В своих письмах к Тургеневу Мери-ме то и дело жаловался на количество изменений, которые он должен был внести в текст (и это в дополнение к тем, которые Тургенев уже ввел в него). Прочитав весь текст полностью, Тургенев в свою очередь жаловался Этцелю (у которого должно было выйти отдельное издание), что «malgré Mérimée, il y est resté pas mal de bévues»,¹⁴⁷ и объявил, что ему нужно будет «*quatre jours pour corriger les erreurs qui sont restées, pour restituer ommissions etc. — pour effacer, en un mot, les quelques traces des scrupules catholiques de mon traducteur <...>*».¹⁴⁸ Он объясняет, что именно ему придется сделать: «*...j'y mettrai le mot-à-mot sans m'inquiéter du style et je vous donne carte blanche pour tout ce que vous croirez nécessaire de changer au texte...*».¹⁴⁹ Однако, начав эту работу, Тургенев вскоре понял, что недооценил полный объем задачи («*En comparant avec soin la traduction avec l'original, j'y ai trouvé des fautes par centaines*»¹⁵⁰) и разъяснил причины: «*Le prince A. a péché de trois manières: 1.) Il ne rendait pas le sens; 2.) Il simplifiait en aplatissant; 3.) Il amplifiait en enjolivant. Les choses importantes étaient régulièrement ratées, comme les notes sensibles d'une mélodie, déchiffrée par un écolier. — Enfin le travail est achevé, et vous avez l'exactissime version. Maintenant c'est à vous d'y repasser avec votre plume — et vogue la galère*».¹⁵¹

¹⁴⁵ Горюхова Р. М. «Дым». Работа Тургенева над французским переводом романа. С. 253—255.

¹⁴⁶ «не оставляет желать ничего лучшего» (ИССУП(2). Письма. Т. 8. С. 29, 220).

¹⁴⁷ «несмотря на старания Мери-ме, там осталось немало огрехов» (Там же. С. 58, 226).

¹⁴⁸ «четыре дня для исправления оставшихся ошибок, восстановления пропусков и т. д. — одним словом, для того чтобы стереть следы католической шепетильности моего переводчика <...>» (Там же. С. 69, 229).

¹⁴⁹ «...я напишу дословный перевод, не заботясь о стиле, и предоставляю вам полную свободу изменять текст, как вам покажется нужным» (ИССУП(2). Письма. Т. 8. С. 71).

¹⁵⁰ «Тщательно сверяя перевод с оригиналом, я обнаружил сотни ошибок» (Там же. С. 74—75, 232).

¹⁵¹ «Князь А. грешил тремя способами: 1.) Он не передавал смысла; 2.) Упрощал, сглаживая; 3.) Дополнял, приукрашивая. Важные вещи, как правило, в переводе не удавались, подобно тому, как самые выразительные ноты мелодии пропадают в ученическом исполнении. — Но вот наконец работа завершена, и вы имеете наилучший перевод.

Изменений, по сравнению с журнальным текстом, накопилось в конечном счете столько, что Голицын потребовал, чтобы его имя изъяли из издания Этцеля.¹⁵² Но, с другой стороны, Тургенев мог теперь написать Анненкову, что получился «весьма хороший перевод».¹⁵³

В ноябре того же 1867 года Тургенев послал Морицу Гартману этцелевское издание романа, вместе с немецким переводом, который сделал Фридрих Чиш (Cziesch). Последний Тургенев считал точным, но сухим.¹⁵⁴ На самом деле у Тургенева были, помимо всего прочего, некоторые сомнения по поводу пригодности этого романа для немецкой публики, в чем он признавался Гартману: «Ich glaube aber nicht, dass „Rauch“ sich zum Uebersetzen in's Deutsche eignet; das Zeug ist doch zu russisch. Sie können es natürlich besser beurtheilen: ich zweifle dennoch sehr».¹⁵⁵

Гартман думал иначе и сделал перевод, который выходил фельетонами в еженедельном «Приложении» к аугсбургской газете «Allgemeine Zeitung». Тургенев приветствовал этот перевод с явным энтузиазмом: «...ich möchte Sie küssen, so leicht und schön und frei ist die Uebersetzung. Das ist ein Meisterwerk! Meine Sache kommt mir selbst 20 Mal besser vor».¹⁵⁶

К сожалению, история с переводом «Дыма» не завершилась на этой высокой ноте, и в этом сам Тургенев был, пусть частично, но виноват. Так как Тургенев торопился увидеть немецкий перевод, он, не дождавшись решения Гартмана предпринять перевод, разрешил Эриху Бере издать перевод Чиша в качестве «авторизованного».¹⁵⁷

Теперь вам предстоит пройти по нему своим пером — и была не была» (Там же. С. 80—81).

¹⁵² Там же. С. 127.

¹⁵³ Там же. С. 133.

¹⁵⁴ «genaue aber trockene und prosaische Uebersetzung» (Там же. С. 68, 228). Этот перевод выходил в Риге, в газете «Rigasche Zeitung» и окончательное суждение Тургенева о нем было еще менее положительным: «so etwas hölzernes, miserables ist noch nicht da gewesen» («столь деревянного и жалкого перевода свет еще не видел»); «das ist das Grandioseste von ärgerlich bornirter Schweinerei! Alles Lebendige unbarmherzig herausgemerzt — ein Caput mortuum von Gemeinplätzen» («это грандиознейшее, возмутительное по своей тупости свинство! Всё живое безжалостно вырвано — склеп общих мест») (Там же. С. 202, 267, 203, 268).

¹⁵⁵ «Но я не думаю, что „Дым“ подходит для перевода на немецкий язык; вещь всё же слишком русская. Вы, конечно, можете об этом лучше судить: и все-таки я очень сомневаюсь» (Там же. С. 150, 247).

¹⁵⁶ «...и мне хочется расцеловать вас, так легко, прекрасен и свободен перевод. Это шедевр! Мое собственное произведение кажется мне в 20 раз лучше» (Там же. С. 202, 267). Перевод вышел в «Wochenblatt der Allgemeinen Zeitung» (1868. N 15—20. 10 April—10 Juli).

¹⁵⁷ ПССиП(2). Письма. Т. 8. С. 200—201. Письмо к Бере от 27 мая 1868 г. Это был первый перевод Тургенева, который издал Бере (в издательстве «Lucas»), и этот перевод впоследствии вошел в состав двенадцатитомного издания «Ausgewählte Werke», начатого 1869 г. (в качестве седьмого тома — в 1873 г.). В 1868 г. в Берлине вышел и третий немецкий перевод романа под названием «Dunst» «frei bearbeitet» («вольно обработанный»)

Перевод Голицына послужил также источником для английского перевода. В октябре 1868 года Тургенев получил письмо от своего преданного английского поверенного Рольстона, в котором Рольстон сообщал, что появился английский перевод «Дыма» под названием «Smoke, or Life at Baden». Тургенев ответил, что только что прибыло письмо от некоего «Mr Robert Crawford d'Abinghall près de Gloster», который просил «autorisation de publier une traduction de „Дым“», и спросил, об одном и том же ли переводе идет речь.¹⁵⁸

Изданный перевод вызвал со стороны Рольстона пространную уничижительную статью, которая появилась анонимно в газете «Pall Mall Gazette» в номере за 27 ноября 1868 года: «The author of this translation must be a very hardy person. He evidently knows nothing about Russia, and he does not even pretend to know Russian, and yet he has undertaken to translate a Russian novel, and one which deals almost exclusively with Russian subjects. <...> In the book now before us there is not only no statement as to the language from which it is rendered, but there is not the slightest indication of its being a translation at all. In reality, it is an exceedingly bad translation of the French version of the Russian original. How bad it is we will now proceed to show».

В конце Рольстон замечает, что основным элементом романа является не любовная интрига, на что ориентирован перевод, а, во-первых, «a number of exceedingly clever and extremely sarcastic descriptions of various types well-known in Russian society» и, во-вторых, речи Потугина, в которых содержатся «various truths about Russia which have proved exceedingly distasteful to those of his countrymen who wish to shut their eyes to the faults and the failings of their nation».¹⁵⁹

неким Ланкенау (H. von Lankenau). См.: *Bibliographie der deutschsprachigen Übersetzungsausgaben der Werke Iwan Turgenjews 1854—1985*. Hrsg. K. Dornacher. Magdeburg. 1987. S. 4.

¹⁵⁸ «некий г-н Роберт Кроуфорд из Эбингхолла около Глостера»; «разрешить издание перевода „Дыма“» (*ИССУП(2). Письма*. Т. 9. С. 63—64, 262). Перевод, о котором сообщал Рольстон, вышел анонимно, но П. Уоддингтон установил на основе архива издателя, что его сделал Rowland Crawley (см.: *Waddington Patrick. A Bibliography of Writings by and about Turgenev, Published in Great Britain up to 1900 // Waddington Patrick (ed.). Ivan Turgenev and Britain*. Oxford and Providence, RI, 1995. P. 216). Остается открытым вопрос, правильно ли были прочитаны Тургеневым в письме имя и фамилия или мы имеем дело с поразительным до невероятности совпадением.

¹⁵⁹ «Автор этого перевода, должно быть, очень отважный человек. Очевидно, он ничего не знает о России и даже не претендует на знание русского языка, тем не менее, он предпринял перевод русского романа, и именно такого, где речь идет исключительно о русских делах. <...> В лежащей перед нами книге нет не только никакого указания на то, с какого языка он переведен, но вообще ни малейшего упоминания, что это перевод. На самом деле, это чрезвычайно плохой перевод французской версии русского подлинника. Насколько он плох, мы сейчас постараемся показать»; «а большое количество чрезвычайно умных и крайне саркастических описаний разнообразных типов, известных в русском обществе»; «много правды о России, которая пришлась крайне не по вкусу тем из его соотечественников, которые хотели бы закрыть глаза на недостатки и слабости своего народа» (*Pall Mall Gazette*. 1868. 27 November. P. 10).

Тургенев должен был, безусловно, приветствовать такое понимание своего романа, но Рольстон, назначив себя защитником литературных интересов Тургенева в Англии, не удовлетворился своим вмешательством. Явно под его давлением Тургенев послал письмо-протест в ту же газету. Письмо появилось (на французском языке) 5 декабря, и в нем Тургенев роптал на свою судьбу автора, которого переводили таким образом: «J'avoue qu'il m'est particulièrement pénible de me voir travesti ainsi aux yeux du public anglais, de ce public dont la bonne opinion ne saurait être assez appréciée par tout homme tenant une plume. Mais je n'ai pas de chance <...>».¹⁶⁰

Последние слова могут показаться уместным итоговым замечанием для хроники переводов этого романа, который за менее чем два года после своего появления в России вышел в переводах на французский, немецкий и английский языки!

Обзор переводческой деятельности Тургенева освещает писателя с новой стороны. Хотя его переводы на русский язык более известны, они составляют менее значительную часть. Они в основном бросают взгляд на частные интересы и личные связи писателя. Несомненно, однако, что для него перевод на русский язык нередко был вызовом, как себе, так и самому русскому языку.

На многочисленные переводы из русской литературы, в которых Тургенев лично принимал то или иное участие, до сих пор обращалось мало внимания, несмотря на то, что преимущественно они определяют его роль как пропагандиста русской литературы в Европе того времени. Это, вероятно, следует объяснить тем, что практически нет таких переводов на другие языки, которые можно атрибутировать одному Тургеневу.

К Тургеневу часто обращались переводчики и редакторы, и он всегда был готов помогать советами и непосредственным участием в проверке корректуры. Чтобы не допускать грубых ошибок, переводчик должен, конечно, хорошо знать язык и быть чутким к культуре и национальному духу оригинала. Но для Тургенева перевод также должен был соответствовать общественно-культурным нормам той страны, для которой он готовился. Хотя Тургенев возражал против заблуждений, добавлений и «отсебятины», по его мнению, переводчик имел право пропускать то, что этим нормам противоречило. Нас иногда прямо удивляет степень мягкости и уступчивости Тургенева по отношению к другим переводчикам. А когда он сам переводил собственное произведение, он не считал себя обязанным строго придерживаться оригинала,

¹⁶⁰ «Признаюсь, мне особенно неприятно видеть себя таким переряженным перед английской публикой — публикой, доброе мнение которой не может не цениться особенно высоко всеми пишущими людьми. Но мне не везет <...>» (Pall Mall Gazette. 1868. 5 December. P. 6. Текст полностью приведен в ПССуП(2). Письма. Т. 9. С. 94—95, 275). Судя по всему, перевод был Тургеневу не известен, когда он писал это письмо.

и иногда относился к своему тексту до того свободно, что можно говорить о продолжении творческого процесса.

Не менее важной, чем соответствие национальным нормам, была для Тургенева стилистическая сторона перевода. Для него первостепенное значение имели живость и жизненность окончательного текста. Отлично зная французский и немецкий языки, он, тем не менее, предпочитал привлекать к сотрудничеству опытных писателей, а для окончательной стилистической проверки своих переводов всегда обращался к «авторитетам». Этим объясняется коллективное начало даже тех переводов, в которых он играл главную роль.

Исследования, касающиеся отношений Тургенева к языковым, стилистическим, культурным и общественным проблемам, связанным с переводами, и проливающие свет на то, как он конкретно решал отдельные проблемы, возникающие при переводе, несомненно, дадут новые знания о Тургеневе-художнике. Без них наше представление о нем следует считать неполным.

Записки охотника
ПСССР(2). Соч. Т. 3. С. 162

Turgenev
MS Musée Tourguéniev

Бирюк схватил его за плечо... Я бросил-ся на помощь мужику...

— Не троньте, барин! — крикнул на меня лесник.

Я бы не побоялся его угрозы и уже протянул было руку; но, к крайнему моему изумлению, он одним поворотом сдернул с локтей мужика кушак, схватил его за шиворот, нахлобучил ему шапку на глаза, растворил дверь и вытолкнул его вон.

— Убирайся к черту с своей лошастью! — закричал он ему вслед, — да смотри, в другой раз у меня...

Он вернулся в избу и стал копаться в углу.

— Ну, Бирюк, — промолвил я наконец, — удивил ты меня: ты, я вижу, славный мальчик.

— Э, полноте, барин, — перебил он меня с досадой, — не извольте только сказывать. Да уж я лучше вас провожу, — прибавил он, — знать дождика-то вам не переждать...

На дворе застучали колеса мужицкой телеги.

— Вишь, поплелся! — пробормотал он, — да я его!..

Через полчаса он простился со мной на опушке леса.

Biruk se précipita sur lui et le saisit par l'épaule. Je m'élançai au secours du malheureux paysan... «Restez où vous êtes, Monsieur», s'écria le garde. — Je n'aurais pas reculé devant sa menace... mais à mon grand étonnement, Biruk, après s'être recueilli pendant un instant, arracha d'un seul tour de main la ceinture avec laquelle il avait lié le prisonnier, le saisit par le collet, lui enfonça son bonnet jusqu'aux yeux, ouvrit la porte et le lança dehors... «Va-t-en au diable avec ton cheval» lui cria-t-il «et prends garde». Il n'acheva sa phrase et se mit à fouiller dans un coin.

«Tu es un brave garçon, Biruk», lui dis-je, quand je fus revenu de mon étonnement.

«Eh! voyons, Monsieur, me répondit-il avec dépit „avez-vous toujours l'intention de partir? La pluie a cessé. — J'espère que vous ne parlerez pas de ce qui vient de se passer”, ajouta-t-il brusquement. — Le bruit de la charrette du paysan qui partait retentit dans la cour. — „Le voilà qui part”, marmotta Biruk avec un demi-sourire... Mais qu'il prenne garde une autre fois». Il me regarda fixement en prononçant ces dernières paroles. «Partons, Monsieur».

Un quart d'heure plus tard nous nous séparions sur la lisière de la forêt.

Rollinat
BN. Slaves 68, f. 69v

La main de Biruck s'abatit sur l'épaule du paysan... je m'élançai à son secours.

— «Touchez pas, maître!» me cria le forestier d'un ton menaçant. Sans m'effrayer de ses menaces, j'allais étendre le bras... quand, à ma grande stupéfaction, je le vis, en un tour de main, enlever la ceinture des bras du prisonnier, le prendre au collet, lui enfoncer son bonnet sur les yeux, ouvrir la porte et le pousser dehors, en lui criant:

— «Va-t-en au diable, toi es [sic] ton cheval!... mais prends garde que je ne t'y rattrape!»

Il rentra dans la chambre et s'enforça dans un coin.

— «Vraiment, Biruck, — lui dis-je enfin, — tu m'as étonné: je vois que tu es un brave garçon!»

— «Hé laissons cela, maître, — fit-il en m'interrompant avec dépit; — mais au moins n'allez pas jaser. Aussi bien, je vais vous reconduire, ajouta-t-il, car vous n'attendrez pas la fin de la pluie.»

Le roulement d'un chariot de paysan se fit entendre dans la cour.

— «Voyez!... le voilà déjà décampé... murmure-t-il, mais il me payera ça!..»

Une demi heure après, il me faisait ses adieux à la lisière du bois.

— Birouk le saisit par l'épaule... Je courus au secours du paysan.

— Laissez-le, maître! — me cria le forestier.

— Cette injonction ne m'intimida pas, et je portais déjà les mains en avant; mais à mon grand étonnement, Birouk dénoua subitement le kouchak qui liait les bras du paysan, et saisissant celui-ci par la nuque, ouvrit la porte, et le poussa dehors.

— Va-t-en au diable, avec ton cheval! — lui cria-t-il en le voyant s'éloigner, — et rappelle-toi que si jamais je te reprends...

Cela dit, le forestier rentra tranquillement dans l'isba, ferma la porte, et se mit à remuer je ne sais quoi dans un coin.

— Vraiment, Birouk, — lui dis-je, — tu m'as étonné... Tu es un brave homme, à ce que je vois...

— Allons! Maître, ne parlons pas de cela,— me répondit-il d'un ton d'impatience. — Mais n'allez pas le raconter. Je vais maintenant vous reconduire, car il paraît que la pluie ne cessera pas de sitôt. Ah! le voilà qui détale! — ajouta-t-il à demi voix en entendant le bruit que faisaient les rous d'une téléga qui passait devant les fenêtres de l'isba. — Ah! je le...

— Une demi-heure après je prenais congé de lui sur la lisière du bois.

Le Bireouk lui posa ses mains sur les épaules avec violence... je me précipitai au secours du malheureux. «Ne bougez pas, vous, bârine!» me cria le forestier. Je me serais moquer de ses menaces, et j'avais déjà les muscles crispés; mais, à mon grand étonnement, en un tour de main, il détordit et retira la ceinture qui serrait les poignets du paysan, lui enfonça le bonnet sur les yeux, tout en ouvrant la porte, et, le prenant par l'épaule, le poussa dehors.

«Va au diable avec ton cheval! Lui cria-t-il; mais une autre fois ne me retombe pas sous la main».

Il revint sur ses pas dans la chambre, et alla regarder les deux enfants.

«Eh bien, Bireouk, finis-je par lui dire, tu m'as étonné et réjoui; je vois que tu es un brave homme.

— Eh! laissez cela, bârine, dit-il d'un ton fort maussade. ... seulement, veuillez n'en rien dire. Ce qu'il y a de mieux à faire pour moi, c'est de vous accompagner, ajouta-t-il; attendre ici la fin de la pluie, vous n'en auriez pas vous-même la patience».

Nous entendîmes le bruit du cheval et des roues du paysan, et celui de la barrière qui retombait. «Le voilà parti, murmura Foma, mais qu'il y revienne!»

Une demi-heure après, le Bireouk me fit ses adieux à la lisière de la forêt.